

Теннадий Дорожкин

ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ СО ЗВЕЗДАМИ

Роман расставаний

Памяти Натальи Сладковой

Глава первая: ПОСЛЕДНИЙ СКИТАЛЕЦ

Как тоскливо в дальнем космосе, у самого края мира, где зажжены самые крупные звезды, где они никого не согревают, а сжечь тебя так и норовят. Ходи да оглядывайся, как бы холодный яростный огонь не пробрался в сердце, вытравить потом его из груди невозможно.

Но больше всего удручает звездное безмолвие, тут не с кем перекинуться словечком. Залетит иногда ошалевший от одиночества случайный космонавт; на радостях, что долетел, погорланит любимую песню «...давай с тобой, дружище, закурим перед стартом, у нас еще в запасе четырнадцать минут» и наутро уберется восвояси, даже и бутылки за собой не уберет.

Примечание автора. Пункты по приему стеклотары сохранились по всему Млечному Пути, говорят, это выгодный бизнес; многие экипажи используют водку и крепленые дешевые вина для анабиоза. Они использовали бы и дорогие, но казна ограничивает средства, отпускаемые на безопасность полетов. Не за свои же пить?

И опять на сто лет здесь воцаряется звенящая тишина...

Иной раз выйдешь, посмотришь на космос – холод, молчание, пустота – и думаешь: и на кой ляд нужен он нам? Каждый тут мечтает о зеленой планете, каждый бредит Землей... Хрупкий, желтый березовый листок, засушенный между страницами потрепанной книжищи «Три века русской поэзии (банальщина, слюнтяйство)», здесь дороже всего космоса, со всеми его сверхновыми, крабовыми туманностями и даже черными дырами.

Саша был космонавтом и скитальцем во времени. Так уж выпало ему на веку. Пытаясь возвратиться домой из неведомых, небываемых краев, он преодолел неодолимые пространства, миллионы парсеков остались у него за плечами, миллионы лет прошумели мимо, как бы не касаясь его... От депрессии, ностальгии и

пустоты мира он спасался крепким индийским чаем, с двумя слониками на обертке, от кофе или вина он тоже не отказывался, но хорошее вино теперь редкость, да, говоря честно, мало выпить никогда не удавалось, и наутро к депрессняку добавлялась головная боль. Так что, чай был утешителем, собеседником, обманщиком – ледяную тоску вселенной все равно нельзя было перебить никаким чаем, только на минутку отвлечься...

Ученые многих планет, где пришлось побывать Саше, прямо заявили ему надвигается полная мировая хана! Можно даже писать это слово с заглавных букв. ХАНА! А на одном из иностранных языков – Hana!

Люди стали бояться даже вулканов, на склонах которых они прежде охотно селились, морей, по которым так быстро скользили боевые галеры; не отставали от них и торговые, а помните красавицу-актеру Леантофору, на которой одних гребцов было тысячу шестьсот прикованных душ?

Да что там, люди стали загоразживаться от вьюг, дождей и ветров... Дай им волю – они сами от себя прятаться будут...

Но вот ко всем неприятностям мира добавилась самая неприятная – остановилось время! А кто-то говорит – остановлено злым умыслом. А некоторые так вообще уверяют, что время похищено и заточено в пещере близ вершины Хан-Тенгри. Надо срочно его запустить, но для начала хорошо было бы его найти, а для этого не помешало бы знать его в лицо.

А кто знает, как выглядит включатель времени? Огромный аппарат с тысячько кнопок, перед которым доменная печь, будто катушка ниток? Или лежит уже много лет в книге «Басни» Ивана Крылова бумажка, а на ней записан всего-то чей-то номер телефона, полустертый, едва различимый, и, возможно, стоит позвонить по этому номеру, как сразу рухнут с карнизов все сосульки, над Сахарой пройдет ливень, замкнутся электрические цепи, которые должны быть замкнуты, и разомкнутся те, которые обязаны быть разомкнутыми, – и мир неведомо как (лучше и не пытаться разгадать это) – переполнится критической массой счастья, и наступят старые добрые времена, те самые, те самые...

В общем, надо искать... Не думать бесконечно о доме, где пригорюнилась на завалинке красавица-жена, а сослужить человечеству добрую службу.

Правда, существовала и другая теория, приверженцы которой утверждали: невозможно остановить то, чего не существует. Никакого времени вообще нет (покажите, ну, покажите его!), а есть вечная и неделимая всемирная материя. А Сева Азовский, скажем, доказал своей матери, что на свете нет настоящего – только будущее и прошлое...

Примечание автора. Сева Азовский – сын Татьяны Азовской, поэтессы.

Это было не очень понятно, и ученых заклеямили. Если память мне не изменяет, вейсманистами-морганистами, и их труды в расчет никто не брал. В науке все было, как в жизни. А вообще, жизнь без времени – это безвременье?

Саша очень торопился домой, уж сколько лет он не был на улице Буянной, но когда потребовалась его помощь – отказать не смог. Тем более, что его собственные наручные часы шли в обратную сторону. Так герой космоса, первопроходец галактик и метагалактик, любимец всего Млечного пути опять не смог вернуться на берега Чагана.

Ученые предупреждали: если не запустить время, то одни эпохи могут накладываться на другие, в итоге, подавлять пугачевщину приедет на танках Таманская дивизия, а Суворов дослужится до младшего сержанта в комендантском взводе и к дембелю за усердие будет награжден фотографией у развернутого знамени части.

Саша, рискуя истратить последнюю энергию, необходимую для перемещения по времени и пространству, принял близко к сердцу предупреждение ученых и совершил несколько бросков в миры далекие и близкие, предупреждая населявших их гуманоидов об опасности.

Он осторожно спрашивал: «Скажите, люди добрые, не случилось вам видеть что-нибудь необычное, необъяснимое? Типа летающей тарелки или космического пришельца, или еще того страшнее?»

– У нас все страшное! – часто отвечали ему.

– А, может, кто-то слышал об остановленном времени?»

В ста двадцати двух городах, трехсот пятнадцати селах и одном хуторе провел Саша опрос. И ему отвечали: «необычная уродилась картошка – сажали белые сорта, а они обернулись красными, как будто коммунисты пришли». Или рассказывали о дереве счастья, которое было куплено в городе Сочи и должно принести вот-вот богатство и хорошую должность.

Но большинство даже не слышали о пускаче времени. «Да что ваш пускач, вот на моем «ЧТЗ» пускач – всем пускачам пускач – пока заведешь – рука отваливается», – объясняли ему, попутно жаловались на маленькие пенсии, дорогие лекарства, скверное водоснабжение, на то, что милиция дает в зубы без предупреждения, что растет инфляция, что романисты – беллетристы совсем перестали сочинять жизненные книги, а гонят модерн разных мастей, не понятный народу. Один вот умудрился, написал про нос, сбежавший от хозяина. Куда начальство смотрит?»

«В моей молодости все читали роман «Поджигатели», сильную вещь, и по весу, и по содержанию – высокую классику, – сказал Саше председатель сельхозартели из хутора Харькино. – Книжки воспитывали любовь к Родине, пробуждали высокие порывы; каждая травинка у порога родного дома была драгоценна, дороже серебра и самоцветных камней. А нынче все не так. Не захватывает дух, когда солнце на заре превращает желтые яры над Уралом – в золотые, когда ты просыпаешься вместе с первым жаворонком, когда кукушка особенно щедрна на обещания, и ты готов им поверить... Нынче не замирает душа от ударов пудовых щук в омуте у старой мельницы, запаха медового пойменного сена, сердце почти не отзывается на старую песню: «На краю Руси обширной, вдоль Урала берегов...»... Неужели оледенели души и никому нет больше дела до земли, на которой родился, где выговорил первое, самое важное в мире, слово – «мама»?»...

Может, и космос добавил всем нам своего льда?..

Страшное все-таки произошло. Случилось то, чего Саша больше всего опасался. Иссякла межгалактическая энергия, как не было ее. Путь домой был отрезан. Оставалась слабая надежда, что рано или поздно обнаружатся случайные природные проломы во времени, открытые переходы из одной цивилизации в другую, из одного тысячелетия в предыдущее или наоборот. Но можно было жизнь прожить и никогда не найти пролома во времени: и будущее, и прошлое были одинаково недостижимы!.. Непостижимее настоящего, которого, оказывается, нет?

В своих скитаниях он не раз достигал Земли, но попасть в нужное время никак не мог...

Как-то он наткнулся на один из временных переходов, но тот вывел его на берег бескрайнего океана; оказалось, что он попал в Мезозой. Еле ноги унес от громадного птеродактиля.

Он тосковал по дому, скучал по Даше, верил, что она ждет его на Буянной улице...

Сашу носило по свету, то он попадал в девятнадцатый век, где познакомился с Гаврилом Романовичем; Державин был уже в преклонных летах и охотно рассказывал космонавту об удивительных приключениях, которые выпали на его долю в приуральских степях, когда знаменитый пиит был еще поручиком и много раз рисковал жизнью.

– Пугач был самозванцем, – ответил он на незаданный вопрос Саши. – Душегуб и вор!..

– Нам так привычно жалеть висельников, каторжан, мы готовы проливать слезы над судьбой убийца, – продолжал он. – Но много ли подаешь на паперти?.. Когда дело касается своего собственного семишника, мы из нации мягкосердых добряков превращаемся в гранит. В сталь! В неколебимую бронзу памятников... Хотя, нет, мы не жадны... Но за пазухой всегда кривой татарский нож... Не верьте нашим слезам! Вот и Петр Фед..., Пугач, одним словом, таков же... Мастер подпускать красного петуха, ушкуйник, конокрад. Разорит деревню, спалит амбар – вот праздник!.. Бунтарь!

Так случилось, что в поисках нужного времени, Саша попал на церемонию закладки самого первого в Месопотамии зиккурата, помпезного, по мнению Саши, строения, почти совершенно не функционального (на всякий случай в фундамент башни он заложил клинописную табличку с приветом Даше, а, вдруг, на самом деле найдут ее через тысячи лет, и Даше будет приятно?). Он довольно подробно рассказал в табличке о своей теперешней жизни, новых друзьях, о последних галактических заданиях, и, как только удастся запустить время – он немедленно отправится домой. В табличке он упомянул Зайнуша, сборщика податей, баскака, у которого можно узнать всякие подробности, у него же ждет письмо от Саши – и в подарок золотая пайцца Темучина. Саша уточнял: Зайнуш будет ждать на мосту.

Какое письмо, какое золото, какой мост, какой такой Зайнуш?

Не пропустил Саша и самой первой Олимпиады в Греции, соревновался в метании диска и не победил только лишь потому, что неуютно чувствовал себя без штанов; греческие атлеты состязались обнаженными, подставляя щедрому солнцу распаленные играми тела.

Он часами разговаривал с Гомером. Слепец не отмахивался от диковинного собеседника, хотя был скуп на слова; из него приходилось буквально выдавливать любое словечко, даже «налейте вина» в его устах звучало не просьбой, а капризом, – наверное, он сэкономил каждый стих для новой своей поэмы, которая давалась ему нелегко. «Одиссея» рождалась в невыносимых творческих муках, хотя все герои ее были Гомеру хорошо известны.

Он помнил, как однажды, он был тогда еще совсем мальчишкой, к ним в дом пожаловали важные гости, они говорили громкими уверенными голосами, залиристо хохотали, так ведут себя люди, сумевшие договориться с богами, и

среди них выделялся один – и особой уверенностью, и особым громкогласием, и отношением к нему женщин. Тогда мать, раздумываясь, суетливая, улучила момент и шепнула Гомеру: это Улисс, запомни его. Он и не забыл, потому что с годами то, что казалось мифом, превратилось в чистую, и даже немного скучноватую, правду. Тогда у всех на устах была история о том, как Улисс разделался с женихами Пенелопы. Другого бы замотали по судам, но царь – сам себе суд да еще герой к тому же.

Одиссей тогда подошел к мраморному Зевсу, постоял с минуту, может, между ними никогда не кончался диалог? Сопровождавшие его пельтасты держались на почтительном расстоянии, понимали: не для их ушей разговор царя и бога. Гомеру тогда показалось, что царь Итаки был чуточку расстроен тем, что услышал от хозяина Олимпа. А может быть, несмотря на внешнее благополучие и веселость, он понимал, что лучшие его годы позади, хватит – отстранствовался; не ему будут петь Сирены, не завоет его на свой прекрасный остров волшебница Кирка, которая того и гляди выскочит за Телемаха, – а Одиссею теперь стареть, беспокоиться за овечьё поголовье, ругаться с крестьянами за то, что козий сыр пропал... Хитроумный Одиссей!.. Каким он будет, когда доживет до наших дней? Провинциалом в барашковой шапке, танцующим «Сиртаки» у придорожной таверны?

Гомер говорил Саше, что все герои – и Язон, и Одиссей в сущности неудачники – (Саша переводил на современный – лузеры) – погубили столько жизней: подвиги ради самих подвигов, но, согласитесь, подвиги красивых. Не за кусок ситного бились – за руно золотое, и не с чиновником бытового управления, а с Минотавром. Кровь кипела у людей на заре цивилизации. Они все время чего-то открывали, что-то изобретали и строили. И бесконечно воевали. Да разве бы попали они в мифы, сражайся они в условиях Средиземноморья только за пропитание. Здесь только рот успевай открывать, то оливка туда упадет, то орех... Попробовали бы они совершить свои подвиги где-нибудь под Карагандой – как минимум, задницы бы обморозили. Конечно, автор Иллиады понятия не имел о Караганде, сорокаградусных морозах и бытовых управлениях, это Саша во время их бесед осовременивал для себя слова великого старца.

Саша очень хотел повидать своего тезку – Македонского, может, ему что-то известно о похитителях времени, долго кружил по пустыне, натыкаясь на следы непобедимой армии, но, в конце концов, успел только к погребению полководца, совсем еще мальчишки. Саша хотел сказать ему, что империи создаются мечами, и кажется, что стоять им века и века, но распадаются они легко, как карточные домики, но долго еще с опаленных карточных стен сочится живая кровь пропавших империй... Хорошо, что не успел наговорить македонцу столько банальностей...

Саша едва ноги унес с Востока, так стремительно начала разваливаться империя Александра после его смерти...

Потом Саша много раз бывал на Востоке, в разных эпохах, столетиях, владыки тех мест говорили как с писанного листа, а золото поэзии рассыпали под ноги красавиц, собирали книги и свитки и запирали их в неприступные крепости, и Саша поверил, что Восток – это голова мира.

Любопытно Саше было встретиться и с Темучином. Хан был уже стар, подзрителен и сумрачен. Удручало покорителя вселенной бесчисленное количество возможных наследников. Он так и сказал Саше на чистом фарси:

8

– Чую я недоброе, раздерутся внучки, ни своих, ни чужих жалеть не будут... Может, зря я им улусы нарезал?..

Он хрипло вздохнул, поднял глаза на Сашу и добавил:

– Царям-то, знаешь, каково на старости лет? Спиной ни к кому не поворачивайся...

– А раньше?

– Раньше силен был, ум быстрый... Убийца еще только думал о кинжале, а уже, глянть, и думать нечем – башка на колу... Цари на чем держатся, сказать?

– Конечно, – приготовился Саша слушать хана.

– На страхе все держится, страхом все склеено, – это известно каждому... Но к страху привыкают рано или поздно, и вот уже бегут посланцы родни с кривыми кинжалами за пазухой, только успевай их отлавливать. Значит, нужна и любовь...

Она сильнее страха... Она хмельнее кумыса. Без любви мир не покоришь.

Но ненависть надежнее всего: любовь продается, страх тоже можно заглушить звоном злата, а ненависть не стареет и не умирает... Если она настоящая...

Саша слушал откровенья всемогущего старика и про себя удивлялся: где он нахватался этих сентенций? Стоило завоевывать полмира, чтобы обогатить себя расхожими премудростями?..

Саша рассказал хану (сам не знает, кто его за язык потянул, может, выговориться хотелось?), что он долгие–долгие годы скитается по времени, никак не может попасть в нужный ему год, туда, где ждет его молодая жена, может, и не очень уже молодая. Сидит где-нибудь на крыльчке своего дома на Буянной седенькая старушка и не сводит глаз с калитки: вот сейчас он придет, совсем скоро. И вправду, открывается калитка, и вваливаются во двор два археологических профессора из Академии – принесли расшифрованную табличку, найденную на раскопках в Месопотамии...

Саша даже руками замахал, разгоняя обманное видение. Его поразило, что хан, слушая об удивительных путешествиях и небывалых приключениях, не выказал ни малейшего удивления, отнесся к путешествиям во времени не только без изумления, но даже и бровью не повел, наверное, просто не понял. Но потом Саша убедился в том, что хан все понял. Темучин шепнул ему на ухо:

– Возьми меня с собой?..

Саша не знал, что ответить, но властитель мира перевел разговор на другое:

– Ты о жене что ли печалишься? – удивился он. – Сейчас будет тебе жена.

И хлопнул в ладони. И обширная юрта стала наполняться девушками. В зеленом, красном, синем; в браслетах, кольцах, бусах; веселые, печальные, равнодушные. Браслеты на руках, на ногах, браслеты даже на шее. Вся эта туча браслетов позванивала, как колокольчики на шеях коров – чтоб не потерялись. Девушки покорно стояли, не поднимая глаз. Любая из них, если поднимет свои натосковавшиеся глаза, то останешься навеки здесь, дожидаясь второго взмаха ресниц.

– Выбирай! – сказал Темучин. – Хочешь – возьми двух, трех, но предупреждаю: горя с ними хлебнешь...

– Не, – отказался Саша, хотя ему приглянулась одна чернявенькая, быстроглазая. – Нам жена положена одна, и у меня она уже есть.

И он тяжело вздохнул. Но подозвал чернявенькую, спросил:

– Откуда ты?

Та на чистейшем санскрите ответила:

– Я из Горного Гиганта, слышали про такой?

– Не только слышал, но некогда жил там! – обрадовался Саша. – Помню высокие пирамидальные тополя, помню крупную черешню... Это мой любимый населенный пункт. После Уральска, конечно. Ну и после Алма-Аты, Кызыл-Орды, Талдыпана, Детройта...

– Берешь ее? – Темучин перебил восторженные воспоминания Саши.

У наложницы глаза полыхнули киноварью.

– Не положено, – уныло произнес Саша, – меня ждут...

– Ну, как пожелаешь, – не стал настаивать Темучин.

– Не знаю, выйдет ли у меня поехать с тобой, – сказал хан, – но тебе скажу: пора отправляться домой. Существует предел мытарств, и ты давно уже играешь в долг. Тебе пора... Если ты отталкиваешь Зару, то, видимо, ты сильно замерз в космосе, или в тебе от века не было живого огня...

«Они все разговаривают, как мои современники, – подумал Саша, – удивительно...»

Властитель мира прикрыл рукой глаза и надолго умолк. Слуги, сарбазы, наложницы, все, находившиеся в юрте, затаили дыхание. Наконец, хан сказал:

– Когда пойдешь, шагай прямо... На земле тебя будет охранять моя пайцца, на море она тоже поможет. А вот в воздухе и выше воздуха тебе самому придется управляться...

– Так в том-то все и дело! – воскликнул Саша. – Все переходы во времени заклинило, как попасть в свой век? В свою родную минуту?..

– Про переходы не знаю ничего, не слышал, – сказал Темучин, – но знаю, что если сюда пришел, то, значит, и назад дорога есть... Прибилась тут ко мне пара дервишей странных. Один ел только ночью, огонь не раздувал, чтобы еда его не разглядела и не рассердилась на него. Правда, ел много, долго, до первого света. А потом спал до заката и в это время вещие сны видел. Он сны эти записывал и продавал всем желающим, но получалось, что – всем зажиточным. Да, бедняку наплевать на вещие сны, был бы кусок лепешки и воды глоток. Другой дервиш совсем не ел и не спал, сухой, как прошлогодняя метла. Ему, должно быть, с голодухи голоса разные слышались, он их тоже записывал и тоже продавал; в этих записях дервишей такая жуть, что мороз по шкуре продирает, и выдают они их за пророчества: и про конец света там написано, и про второй всемирный потоп, и про человека, пришедшего из ниоткуда, и ушедшего в никуда, наверное, про тебя, путник... Оказалось, что брехали они, как облезлые псы, разоблачили мы их...

– Пытали? – участливо спросил Саша.

– Нет, – ответил хан, – быстро головы отрубили, они даже боли не почувствовали.

– Как же так! – закричал Саша. – Без всяких доказательств вины, без адвокатов... Это же негуманно!..

– Отсечение головы и стало доказательством их вины, – сказал Темучин. – Я спросил, могут ли они предсказать собственное будущее – хотя бы на один день? Тот, который ел ночами, предсказал, что так же будет набивать рот и назавтра. Тот, который не спал, предсказал, что также будет бодрствовать, как и вчера, – и оба будут записывать свои пророчества. С утра пораньше мы снесли им головы.

и, значит, они не смогли угадать свою судьбу – даже на один день. Я же сказал – шарлатаны.

Саша пригляделся к Темучину: тот был ханом, но одновременно как бы и не ханом совсем. Легко говорил на языках всех собеседников, не сморкался в помещении под ноги, ни разу за сегодняшний день не пил кумыс, хотя пиалы стояли рядом на низеньком китайском столике.

«Так это Чингис-Хан, смоделированный остановившимся временем именно для меня, – догадался Саша. – Это «мой» полководец, он и по-русски говорит, и на фарси. Он знает современные анекдоты, умеет пользоваться мобильным телефоном, выписывает газету с непроизносимым названием «Цесна»... Время таким образом само себя защищает от парадоксов, временных коллапсов... Нет, нет, – это подлинный хан, просто я вижу его таким, а другой путешественник по времени увидит его иным...».

Стали прощаться, хану давно было пора, кажется, на казнь воина, дрогнувшего в бою.

– Так ты посмотри бумажки этих шарлатанов, – сказал Потрясатель вселенной. – Там одна инкунабула есть любопытная: «Книга пророчеств идущему домой...». Ты ведь сейчас домой, нет? Если будешь в девятнадцатом веке, передай привет Буонапартию.

– Книгопечатанья еще нет, – удивился космонавт, – откуда взяться инкунабуле?.. И откуда вы знаете о первом консуле?..

Ему стало страшно: какая жуткая и непонятная сила скрыта во времени!

Хан чуть заметно улыбнулся: Восток стоит наособицу, там люди живут не озарением гениального одиночки, монаха, заточившего самого себя в каменный склеп, а муравьиным упорством организованной толпы, а людей на Востоке много.

– На Востоке солнце всходит, – напомнил хан, – а про консула этого самого я ничего не знаю, Буонапартия знаю, а про других мои шаманы пока не рассказывают, придет время – расскажут.

И Темучин заторопился на казнь, сказали, что осужденный извелся, дожидаясь возмездия.

– Я помощника тебе пришлю – книги разбирать, – сказал на прощание хан. – Если приглянется что, то можете себе взять... Сам знаешь, грамотных у меня в войске не шибко много.

И на прощанье хан протянул Саше руку, как высшую награду:

– Целуй!

...Пожитки дервишей были свалены в одной из юрт, около нее клевал носом воин, похожий на часового.

– Ты, станишник, не дремал бы на посту, – обратился к нему Саша, – а то начальство у вас тут шибко строгое. Не проспай бы голову!

Часовой выкатил от ужаса глаза, повалился в ноги, звеня амуницией, запричитал:

– Батюшка, не вели казнить!.. Вторые сутки басурманы не подменяют, с ног валюсь. А охраняю-то – противно сказать – кучу бумажек...

– Встань, чего пыль на себя собираешь. Показывай бумажки, – сказал Саша.

Солдатик откинул полог, прикрывающий вход в юрту, поклонился: пожалуйте!

Саша приобнял служивого за плечи, спросил:

– Ты, братец, часом не из яицких казаков будешь?

– Мы – бузулукские, – ответил тот.

– Почти замляки! – обрадовался космонавт. – Я к вам в Бузулук за картошкой как-то по осени приезжал, грязища была!..

– Ты как попал к Темучину? – стало интересно Саше.

– Служба, – коротко произнес часовой, но взгляд его рассказал, какие пожары отбушевали в его судьбе, какие невиданные мытарства выпали ему, сколько боли и крови повидал он на своем коротком еще веку, прежде чем оказаться в сарбазах у Чингис-Хана, и столько тоски было в его глазах, что Саша не решился расспрашивать дальше. В несокрушимой армии властителя мира, должно быть, счастливых не было, не держали таких. Счастливые не побеждают.

В пожитках незадачливых дервишей, действительно, оказалось несколько инкунабул – пудовых, в черных от времени кожаных переплетах. Саша подумал: «Как же дервиши таскали на себе такую тяжесть? Как надо любить эти книги, как верить им, чтобы добровольно взвалить на себя эту ношу?».

Примечание автора. Раньше люди очень любили книги. И читали их не без опаски. За чтение тогда легко было лишиться головы. А все равно читали...

Он взял одну из книг, раскрыл: непонятные значки заполняли страницы. За время скитаний Саша одолел семнадцать языков и несчетное число наречий, но ничего подобного он не встречал. Хотя что-то неуловимо знакомое мелькало в этих строчках.

«Арамейский? – размышлял Саша, – берберский, персидский?»...

В это время на входе юрты раздались какие-то звуки, кто-то никак не мог справиться с пологом.

– Смелее! – сказал Саша. – Земляк, посмотри, кто там!

Тот распахнул полог и они увидели ту самую чернявенькую наложницу из Горного Гиганта, что так понравилась Саше.

Потупив взор, она еле слышно произнесла:

– Меня прислал повелитель – бумаги разбирать...

– Грамотная? – не смог сдержать удивления Саша.

– Да, письму и чтению обучена, – ответила она все так же еле слышно.

– Может, языки знаешь иноземные? – спросил наудачу Саша.

В ответ она прошелестела:

– Знаю...

– Какие? – скорее из вежливости, продолжил разговор Саша.

На секунду она замялась, и он повторил вопрос:

– Небось, германский?

– Его тоже, – сказала Зара.

– А всего сколько?

– Тридцать семь, да еще около семидесяти наречий, – голос ее окреп, в нем прозвучали горделивые нотки.

– Где же ты училась, где брала учебники? – Саша не готов был узнать, что молоденькая барышня из гарема сумела то, что не сумел он на специальных курсах космонавтов. Тогда он поставил себе планку: двадцать языков выучить к Покро-

ву, но так и не достиг ее, хотя принимал специальные таблетки для укрепления памяти, тренировался по специальной системе, а самое главное – ему помогала Даша. А тут какая-то Зара... Самолюбию его был нанесен чувствительный укол. Врет, поди, деваха...

Он подозвал ее и показал на одну из книг: сможешь прочитать хоть строчку?

Зара улыбнулась:

– Господин, ты, наверное, издеваешься надо мной? Ведь этим языком ты владеешь, я слышала, как ты в разговоре с ханом не раз переходил на русский...

– Русский?

– Конечно!.. Многие считают его праязыком, но я не уверена.

Саша еще раз открыл инкунабулу. Действительно, все изложено хорошим русским языком. Как же он смог не узнать родного языка? На самом деле, ему пора домой...

– Господин, вот та книга, о которой говорил повелитель, – позвала его Зара. – Да какая-то странная. Название ее можно перевести как «Книга пророчеств на пути к родному очагу». Книга написана на редчайшем языке – марати...

Зара сказала, что для нее это не помеха, наоборот она будет рада потренироваться в чтении.

Саша заглянул в книгу: стройные ряды непонятных значков, нечего и думать, чтобы разобраться в них самостоятельно.

Саша засомневался: нужна ли ему такая, в общем, сомнительная ноша? Что может рассказать ему о возвращении домой книга, написанная тысячу лет назад? Или пять тысяч лет? Что тогда могли знать о переходах во времени? Впрочем, знают ли теперь? Может, он единственный человек, кто бывал в прошлом и заглядывал в будущее? Хотя вырвавшихся вперед он встречал и на Земле, и на звездах. Их иногда можно распознать, если повезет. Один из них – художник, писатель – оказался в Алма-Ате, поражал своим видом (пестрое, разноцветное, бесформенное) мирных жителей города у подножья гор. В разговорах с Сашей он говорил прямо: «Я – гений», – и тот, конечно, верил. Нельзя не верить человеку, который пишет треугольные, круглые картины, а кроме того сочиняет никому не понятные книги. Саша прочитал несколько страниц из его «Зеленой книги» – не понял ничего, но только сильнее укрепился в своем мнении, что Сергей Иванович – человек, как и Саша, из другого времени. А кроме Саши – больше, пожалуй, никто его всерьез не воспринимал. Он уверял также, что прибыл со звезд, но тут Саша ему не верил, потому что со звезд был он, Саша. Космонавт, галактический бродяга. Иногда они распивали с художником, а того звали Сергей Иванович, бутылочку – другую Семиреченского и под вино беседовали об искусстве, времени и жизни. Говорили такие умные вещи, не беседы, а просто квинтэссенция «чистого разума», жалко, что к утру они все забывали.

Как-то Саша по секрету рассказал авангардисту, а тот был самым настоящим авангардистом, почему он не верит Сергею Ивановичу, что тот из будущего, потому, что он сам – единственный в метагалактике путешественник во времени и пространстве.

Сергей Иванович безоговорочно поверил словам Саши:

– Точно, ты со звезд прилетел. Ты брат мне!.. Почему мы не встретились в газовой туманности номер 337- бис, помнишь, как там потрясающе красиво?

Много интересного узнал от него Саша. В свою очередь поведал новому другу о принципах скольжения по единой ленте времени. Для этого Саша не облачался в сверкающий легированной сталью скафандр, не использовал мудреные машины, высокоточные приборы, которые одного электричества потребляли в два раза больше, чем весь город, в котором Саша родился, вырос и выучился на космонавта. Он просто знал, что нет никаких будущих и прошлых времен, время едино, если оно вообще есть, и скитаться по нему легко и просто. Если знаешь как это делать и не боишься застрять в каком-нибудь девятнадцатом веке, что, собственно, в конце концов, и случилось с Сашей...

Только на звездах он осознал, выстрадал в полной мере, что в мире нет дороже коротенькой улицы с названием – Буянная, и нет милее старого дома с подклетом.

То ли закрылся проход во времени, зарос, как родничок у младенца, то ли что-то испортилось у тех, кто управляет космосом, то ли правила игры изменились, только остался он далеко от дома.

А ведь все бесконечные годы разлуки прошли буквально у ворот родного дома, но от родной и любимой жены Даши его каждый раз отделяла тонкая, но неразрушимая родовая пленка времен. Иногда, скитаясь из века в век, из года в год, он так близко подходил к своему году, что ему казалось, будто ноздри ему щекощет щемящий запах шестидесятых годов – аромат духов «Быть может».

Эта лаванда казалась теперь горькой – горше молодости, горше первой разлуки, горше первого поцелуя. Саша пытался вспомнить другие улицы своего старинного города, но получалось плохо: перед его мысленным взором, как в тумане, проплывали Вальковая набережная, которую, наверное, назвали так, чтобы не забыть, что здесь давным-давно был на реке остров, на котором бабы белье мыли при помощи деревянных колотушек – вальков); садик, который назывался Сиреневым (начальство приказало, чтоб его по-другому называли – несолидно в центре города иметь такое имя садика, но, как всегда, ослушались начальство, называли по-прежнему); дом Ванюшина, который долго мучили ремонтами, а потом оставили, чтобы сам постепенно развалился (не везло сашиному городу на начальников, все были строгие и обязательно чего-нибудь ломали, хотя вроде как собирались сначала что-то построить, но руки не дошли); и постепенно туман рассеивался, и он отчетливо видел свой дом... Видел Дашу и опять дом на Буянной...

Глава вторая: ЗАРА

Даша все глаза проплакала, и к гадалкам ходила, и к ворожеям, и к научным светилам, но толку никакого. Ворожеи напускали туману – и дорога к казенному дому, и король бубен, и волшебный сосуд, в котором погибала от тоски крошечная золотая рыбка – все было пущено в ход, но от Саши ни слуху ни духу. Ученый мир объяснял все по-мудреному: «экзистенциализм», «дежавю», «астролябия», «детекторный радиоприемник», но результат был тот же, что у ворожей. Но и те, и другие обнадеживали: подумаешь, где-то в прошлом застрял, не на Лубянке ведь, найдется!

И Даша каждого слушала: вдруг прилетит с голубой молнией хоть крошечная весточка, хоть два слова, дескать, пробиваюсь в вашу сторону, иду против ветра,

но скоро буду. Но пылью на два пальца покрылся почтовый ящик, – и каждый день, и каждый час люди забывали об отважном космонавте. Она некоторое время боролась с этим забвением, ходила в детские сады, школы – рассказывала об отважном космонавте, замечательном семьянине. Воспитанники детских садов сами все собирались в космонавты, и Даша с увлечением рассказывала им о своем затерявшемся во вселенной муже. Но именно он был неинтересен мальчишкам, которые хотели палить в космосе из атомных пушек, каждую минуту встречать братьев по разуму, сражаться на далеких звездах с галактическими монстрами, а у Саши, как известно, не было яйцеголового скафандра, бластера и обязательного лазерного меча – без этого нечего и думать о покорении космоса.

Школьники же поразили ее скепсисом и ленью.

– На фиг надо! – слышала она по любому поводу. «Это поколение опоздало на свои космические челноки, – думала Даша, – и челноки не улетели, остались ржаветь на Земле... Ну и фиг с ними!»...

В том году, в том веке, где Саша застрял, никто не знал, что он космонавт. Не мог он открыться, космическая инструкция строго воспрещала это, но иногда он едва справлялся с отчаянием, так хотелось где-нибудь в пивной грохнуть боевой кружкой по столу и громогласно заявить: «Я – космонавт!» и предъявить космонавтский значок (удостоверение, к сожалению, пропало на железных галактиках, не иначе кентавры сперли). Но это было ему запрещено моральным кодексом звездодождца.

В общем, устроился Саша кочегаром в котельной третьего микрорайона, и работал там до самого последнего времени, неплохо зарабатывал, за ним пыталась ухаживать молоденькая диспетчерша из жилищного кооператива – Клара, и все было бы хорошо, если бы он в очередной раз, мечтая вернуться к Даше, не попытался бы прорваться сквозь время. В итоге его забросило к Темучину.

Саша полистал «Книгу пророчеств...» (а для чего? Картинки искал, так там их не было?) и решил: «Книгу я, пожалуй, возьму, вдруг, правда, стоящее произведение, а остальное пусть ханские мудрецы разбирают...».

Зара принялась переводить: «Деву черноглазую, прелестную...»

Саша остановил ее.

– Мне кажется, что книгу эту надо читать не так, как мы привыкли, пере листывая с первой до последней страницы, – сказал он, – почему-то я уверен, что нужна случайная последовательность. Словом, надо открывать на первой попавшейся странице и читать.

Саша и сам удивился, почему он это сказал, но он был твердо уверен, что решение верное.

Зара не поднимала глаз от пыльного персидского ковра, которым был застлан пол в юрте.

– Значит, так, – произнес он, – хан считает, что нечего мне здесь делать и я должен уйти... Обещает пайцзу. Но куда я пойду? И вообще, в свои времена пешком не ходят...

– Хан коней даст, – подал голос станичник. – Для поклажи тоже, хурджумы даст... Только не берите тех лошадей, которые понравятся статью, пышной гривой... Просите монгольских лошадок, они выносливые, как человек...

– Вот это да! – улыбнулся Саша. – Путешествие в будущее верхом на коне!

– Повелитель требует к себе путника! – примчался посыльный. И угрожающе добавил. – Не мешкать, глаз не поднимать, пока не спросят – не говорить!..

– Знаем, знаем, уже предупреждены, – сказал Саша, а сам подумал с тревогой: «Не случилось бы чего!.. Властители своенравны! За что сегодня милуют, за то завтра казнят».

Он зря тревожился. Темучин сам вручил золотую пайцзу, угостил кумысом. Хмельной напиток ударил в голову, развязал язык.

– Я ухожу, но куда мне идти? – сказал Саша. – Это – не мое время, чуждый мир... Ты, хан, как будто выгоняешь меня... А, может, мне остаться, жениться сразу на четырех красавицах, засесть за самую правдивую летопись в мире?

– Кому она нужна – правдивая, – ухмыльнулся хан.

– Выращивать репу, свеклу, притащить из Америки картошки... – продолжал Саша, но повелитель остановил его.

– Не обманывай самого себя, – сказал он. – Это еще никому не удавалось. Всю жизнь душа твоя будет рваться к утраченному, и рано или поздно ты окажешься в пути...

– Чтобы куда-то попасть, нужно туда пойти, – добавил Потрясатель вселенной.

– Что же, мне теперь скитаться весь остаток жизни?

– Может быть и так... Не самое последнее занятие, – и снова Саше помешался в словах хана современный человек. Как будто артист, играющий великого воителя. Может, это потому так, что история в момент своего рождения еще многовариантна, она еще не отлежалась в свитках летописцев, не тронула струн балладами и сказаниями, не создала мифов. А осядет муть сегодняшнего дня, и покажется сквозь нее суровый, не улыбочивый, в тяжелой железной броне – скала – не человек – подлинный властитель мира, и разговор у него короткий.

– Даю тебе в спутники Зару и вот этого воина, – сказал хан, и Саша распрощался с великим человеком. Тот шепнул космонавту: «Скажи честно, обо мне молва идет?».

– Еще какая! – ответил Саша.

– Проклинают?.. До сих пор дерутся за наследство?

– Не только проклинают, пытаются понять, – не покривил душой путешественник во времени. – Но знают Вас на этой планете абсолютно все...

– Прощайте! – сказал Темучин. – Не оглядывайтесь, смотрите вперед и найдете все, что ищите.

Так Саша оказался на дороге; слева от него, чуть отстав на шаг-другой, шла Зара. Станичник вел двух лошадей с поклажей, отстав на полсотни метров – ему мешал и его огромный меч, и копьё, и громоздкий тяжеленный щит, но расстаться с оружием было выше солдатских сил.

«Должно быть, я последний скиталец на Земле... Куда мы идем? Зачем? – размышлял Саша. – Разве в будущее попадают по пыльной и разбитой татарской дороге?.. Путешествие курам на смех... И хан какой-то ряженный...».

Но все, кто попытался задержать их, разузнать о том, куда и зачем идут, увидев пайцзу, почтительно склонялись, словно на ней был замечен отпечаток ладони Чингис-Хана.

Пайцза была настоящей. Хан тоже.

Глава третья: ДАША

Даша думала, что Саша разлюбил ее. Когда ей принесли глиняную табличку с клинописью, выкопанную из основания зиккурата, и сказали о золотой пайцзе (пайцзу собирались забрать как будто на хранение в пуленепробиваемом сейфе, но скорее всего хотели украсть), объяснили, как могли, что пайцзу эту, выданную Саше лично мучителем народов, пока не обнаружили (в ней, почитай, полпуды чистого золота, а историческая ценность вообще неопишная), – может, она, Даша, знает что-то об этом золоте?

Она поначалу обрадовалась: значит, живой, значит, помнит ее, если пишет из непредставимой дали. А потом поразмышляла: радоваться-то особо нечему. Этой башне в обед будет сто тысяч лет, около нее люди старятся и исчезают, как не было их. Там сотни поколений людей стертые, что даже легких следов не осталось – ни тебе папирусов, ни амфор с доисторическим вином, ни тебе окурка окаменелого. Может, Саша давным-давно состарился и тихо потерялся где-нибудь в пыльных веках Рамзесов и Тутанхамонов?

Но Даша успокаивала себя: она-то еще молода, а с чего Саше состариться? Чего бы не напридумывал старик, сфотографировавшийся с высунутым языком, про относительность, но люди должны жить и стариться вместе! Если нет такого закона, то его нужно принять. Так что, Саша не должен стариться, он столько счастья задолжал ей, пусть сначала рассчитается.

Это все она выложила этим двум старым хрычам-ученым из Академии, расшифровавшим сашину табличку. Хрычи посмотрели на Дашу совсем не так, как пристало кабинетным червям – какие у нас казачки огневые водятся! – и оба принялись набиваться в гости. Причем, один хрыч был женат в седьмой раз (на своей студентке), второй имел в женах фотомодель, которая была младше его на пятьдесят пять лет.

– Конечно, дедыньки, приходите, как выпадет свободная минутка от расшифровки клинописных шедевров, так сразу и приходите, и жен своих приводите. Мой дом открыт для Вас и Ваших половин.

Услышав о женах, хрычи помрачнели. И, видать, свободная минутка у них так и не выпала, потому что больше Даша их никогда не видела. Слышала краем уха, что один из них женился в восьмой раз, второго молодая жена свезла в богадельню; он и там нашел какой-то старинный текст и увлеченно взялся за его расшифровку.

А когда одиночество стало холодным и разряженным, как космос, и не вздохнуть, ни выдохнуть от тоски, пришел человек. Мужчина. Молодой, статный, в глазах бесенята – показалось ей. Протянул руку, представился:

– Я из электрической компании. Борис. Борис Иванович.

Даша подумала, что все-таки ей не обязательно знать, как зовут человека из электрической компании, но по инерции руку подала. И пропала: рукопожатие было решительным, нежным, осторожным и одновременно крепким, оно как будто давало знать, что он, Борис, весь такой надежный, основательный. Дашу обожгло грешной мыслью: а должно быть этот Борис искусен в любви? И она вдруг представила себе, что целуется с Борисом. Она представила все это так отчетливо, что зачем-то мельком взглянула на диван, стоявший у стены. Ей стало нестерпимо стыдно, но картинка жарких поцелуев никуда не делась. И самым обидным было то, что он заметил этот огонь, и улыбнулся.

– Дарья... не знаю, как Вас по батюшке... – начал он.

Она сказала холодно (так ей хотелось, но не вышло):

– К чему церемонии, называйте просто Дашей!..

Он опять улыбнулся, показав безукоризненную белизну зубов. А у Саши в двух зубах пломба. Боится зубных врачей. А кто не боится? Но перебарывают страх. А Саша будет ходить, мучиться, не спать ночами, настрадается с избытком, пока решится сесть в кресло зубного врача.

Она вдруг рассердилась на него. Вот, улетел, даже не попрощался, оставил ее наедине с «электриками», у которых глаза, как компасы, которые безошибочно показывают на одиночество, как ни маскируйся.

– Не беспокойтесь, пожалуйста, у меня сегодня приятная миссия, – продолжил Борис. – Так получилось, что Вы переплатили нашей компании довольно приличную сумму. Мы приносим свои извинения и возвращаем Вам деньги. Распишитесь вот здесь, пожалуйста.

Даша обрадовалась, взяла деньги, теперь она сможет купить компьютер с выходом в Интернет: а вдруг когда-нибудь Саша вызовет ее на связь?

Борис Иванович завершил свою человеколюбивую миссию и принялся смотреть фотографии на стенах Дашиного дома. Они ему чрезвычайно понравились: «Ну, надо же, как сохранились эти дореволюционные карточки, – сказал «электрик» – Странно, все мужчины с шашками, все бородатые... Мода, наверное, была такая?»..

– Мои родственники были уральскими казаками, это они сняты, – пришлось Даше объяснять «электрику».

– Ну, надо же, как интересно! – а она видела, что ему не интересно, это вообще не всем интересно – почему в бородах, почему шаровары с малиновыми лампасами, почему в глазах у них чудится тоска?..

Борис Иванович слушал ее с подчеркнутым вниманием, даже немного склонившись в ее сторону. Даша почувствовала аромат дорогих мужских духов.

– ...и поэтому бабушка Гугниха нам почти родственница, – Даша прервала свой рассказ. – В двух словах всю историю не перескажешь... Это же не анекдоты...

– Право, не сердитесь на меня! – вскричал Борис. – Я на самом деле далек от этого... Я простой специалист по электричеству, не судите строго.

Мягкий, обволакивающий его голос был искренним. Даша пожалела его.

– Да все нормально, – сказала она. – Не расстраивайтесь.

И ему уже неловко было оставаться в доме Даши, миссию свою выполнил – и пока! Но он медлил, и Даше стало неловко от того, что она не приглашает его на чай.

– Чашку чая? – наконец, вымолвила она.

Он тут же согласился:

– Не откажусь...

У Даши чай был особый, с заветными травами, как начнешь его пить – и тоска редет, и обязательно в гости кто-нибудь пожалует, потому что одной чаи распивать – препротивное дело. А в гости к ней чаще всего соседки приходили – Поля да Оля – то вместе, то поврозь, смотря с какой ноги встанут. А мужчин в доме давно не было, кажется, с прошлого года, когда набегали какие-то строительные чины, которые занимаются сносом старинных домов и церквей. Чем

стариннее дом или храм, тем скорее нужно его снести, чтобы он не напоминал народу о тяжком прошлом, о царизме, кубизме и других неприличных в новом счастливом времени вещах.

Чины грозились снести Дашин дом, а на его месте построить огромные жилые многоквартирные дома с балконами, и еще будто бы выстроят высоченную стеклянную башню для полетов в космос. Тогда Даша дальше порога чиновных людей не пустила, сказала, что если понадобится, она будет защищать свой дом всеми силами, и пусть они не думают, что сил у нее немного, попробуйте, суньтесь!

Неизвестно, вняли сносители Дашиным словам, но больше не появлялись. А Даша думала: может, зря она набросилась на чиновников, глядишь, построили бы эту стеклянную космическую башню, и она помогла бы вернуть Сашу. Она уже собиралась пойти в дом, где в кабинетах с телефонами сидели под охраной начальники, и даже дошла до этого большого дома, стены которого красили два раза в году, потому что по закону они должны быть кипенно-белыми.

И она даже вошла в это величественное здание и прошла по бесконечному коридору, где у каждой двери, рядом с часовым, сидел какой-то пригорюнившийся проситель; в городе сплетничали, что просители эти на самом деле ничего не просят, а делают вид, что они просители, чтобы никто не подумал, что посетителей здесь недолюбливают. Даже совсем не любят. Прямо скажем, ненавидят.

А так сидит себе на табуреточке человек, ждет важного решения – кипит работа.

Даша дошла до комнаты, на дверях которой висела сияющая зеркальная табличка с надписью: «Бюро пропусков. Без стука не входить».

Она постучала. В ответ не раздалось ни звука. Даша постучала настойчивее. Ответа не было.

– Скажите, – обратилась она к пригорюнившемуся посетителю, – там за дверью живые есть?

– Много, – ответил одинокий посетитель.

Даша грохнула кулаком в дверь. И тут же кто-то пробасил:

– Кто там дубастит? Терпежу что ли нет?

Даша загадала: если густой бас принадлежит женщине, то она не станет больше обивать пороги чиновничьих келий, если же мужчине, то все-таки попытает счастья: говорят, что и среди крючкотворов попадаются создания с нежными, как пятка Ахиллеса, душами.

Даша толкнула дверь и вошла в комнату: в ней за столами сидели мужик, заросший дремучей бородой, и женщина, как две капли воды, похожая на мужика, только без бороды. Но с хорошо заметными усами, почти гусарскими.

– Чего надо, женщина? – проревела она басом. – Чего вы нам двери ломаете? Охрану дополнительную вызвать?..

Часовой еле слышно брякнул какой-то своей металлической частью, может быть, давая знать, что он готов действовать против нарушителя спокойствия огнем, штыком, а если понадобится, то и прикладом.

– Гражданка, не забываетесь! – мощный бас оказался и у мужика. «Наверное, брат с сестрой, – подумала Даша. – Однойцевые близняшки...».

Близняшки одновременно, как по команде, поднялись со своих мест. «Сейчас в штыковую пойдут», – с ужасом подумала Даша. Однако, обошлось. Бородатый и усатая просто прикрыли своими телами дверь, очевидно, ведущую к начальни-

ку, который один только мог разрешить или запретить Даше предстать пред очи высшего начальства, руководящего строительством.

– К начальнику нельзя! – в унисон произнесли они. – Вы по какому вопросу? Хотя все равно сегодня приема не будет...

В это время дверь к начальнику пропусков распахнулась, и оттуда в клубах табачного дыма вывалился еще один рычащий басом, видимо, третий брат. Бритый.

– Что за шум, а драки нет? – пошутил он. В ответ жидко хихикнул только пригорюнившийся одинокий посетитель. Даша пригляделась к нему. Ну, точно – четвертый близняшка.

«У них тут кунсткамера что ли?» – подумала она. В это время немного рассеялся табачный дым, и Даша разглядела в глубине кабинета молодую блондинку, пьющую кофе. Знакомым басом она произнесла:

– На прием никого, вот и хорошо.

И прибавила свой голос в защиту басовитых чиновников:

– Товарищи тут целый день уродуются ради таких, как Вы, гражданка, – сказала она. – А Вы врываетесь, нарушаете порядок...

– Эпильдифор, – обратилась она к бородатому, – часы у Вас в офисе отстают аж на пятнадцать минут, уже пошло наше время...

И принялась переключать из холодильника в сумку разнообразные продукты. Сквозь целлофановый пакет просвечивал соленый, кажущийся живым, селедочный глаз, огромные когтистые ноги желтой курицы наводили на мысль о поваленной избушке – не будет больше поворачиваться к лесу задом. В сумку поместились еще огромные, прямо-таки лошадиные, бутылки с кефиром, короб макарон, лимоны россыпью, сигареты блоками и разноцветные пакетики – презервативы – рассмотрела Даша.

– Так, по какому Вы делу? – спросил бритый бас. – Выкладывайте скорее, да постарайтесь членораздельно – рабочий день закончился. Пришли за пособием? Пособия отменены...

– Ничего мне не нужно, – Даше стало немного не по себе от холода, притаившегося в глазах чиновников.

– Я дверью ошиблась, – сказала она, – я дамский туалет ищу...

И она ушла, не выяснив ничего. Да, видно было по всему, что в этом доме ничего не знают.

Тем временем «электрик» Борис Иванович уютно расположился за столом в доме Даши, попивал чудесный чай, заваренный ею, да нахваливал. Она принимала его по «среднему» разряду – с вареньями, но без пирогов, да и когда их печь, если тесто творить надо с вечера. В тесте – живая душа, оно не терпит топорливых, скородушных. Всему есть свое время – не нами сказано, а не устаетшь повторять.

По высшему разряду у Даши был положен борщ с говядиной, пахучий, как будто чугунок не в печи сидел, а на покосе. И, само собой, пироги с яблоками, картошкой, капустой – и венец – князь пирогов – расстегай с грибами. А раньше и осетринкой баловались, стерлядка тоже водилась, да что там, – и вся жизнь раньше другой была; в космос еще не наладились тогда летать, на божье небо смотрели снизу вверх, да так, что шапки наземь валились, но промелькнули счастливые годы, осетр повывелся, стерлядка тоже уплыла, говорят, за море.

Куда-то подевался метровый серебряный жерех, который будил Дашу по утрам, вылетая больше, чем на метр из воды, и всплеск этот был так силен, что Даше казалось, что брызги от него долетали и до ее изголовья.

Да что жерех, даже лягушки перестали орать по вечерам у запруды. А прежде в ушах от них звенело.

– О чем задумались, Даша? – спросил Борис Иванович.

– О лягушках, – не стала она врать.

– И что ты о них думаешь? – легко преодолел он барьер отчуждения. Действительно, если бы мы все друг друга называли на «ты», то одиночества бы стало меньше, подумала Даша.

– Думаю, что они хорошие, но несчастные. Им сильно хочется оказаться в тропиках, о которых им рассказывали, что там лужи горячие, а крокодилы прохладные. Крокодилы считались далекими родственниками, и их лягушки не боялись, может, совсем напрасно?

– Любите животных? – спросил «электрик». Она закивала головой – очень!

– Это братья наши меньшие, – вспомнил Борис Иванович, напряг еще память, и она помогла ему, вытащила из его непонятной служивой души почти забытые строчки: «И жожу в цилиндре не для женщин, в глупом сердце страсти жить не в силе. В нем удобно, грусть свою уменьшив, золото овса давать кобыле».

Хорошо прочитал, стервец, с выражением, а главное – с чувством. С туманом в глазах, за которым легко угадывается скупая мужская слеза, но за ней гранит, кремль, дальше слезы этой он не отступит: начнет ли читать стихи, начнет ли ухаживать – все доведет до конца. «До счастливого логического завершения», – такие слова он употреблял сам.

«До свиданья, друг мой, до свиданья, не печалься и не хмурь бровей...», – принялся он добывать сердце Дашы, но она его остановила: «Не нужно, не нужно, Борис...»

Слезы навернулись на глаза, как жалко поэта, как жалко себя!.. «Электрик» бросился вытирать ей глаза платком, тонкая ткань хранила аромат каких-то горьких духов, таких притягательных, тонких, что у Дашы закружилась голова. Она отстранилась не сразу и вдруг подумала: «А Саша всегда только тройным одеколоном пользуется после бритья, и никаких головокружительных ароматов».

– Не плачьте, все будет хорошо, – сказал Борис Иванович, да так проникновенно, так душевно, что слезы так и хлынули у нее из глаз.

От неожиданности «электрик» даже растерялся, обнял ее за плечи, приговаривал:

– Бедная, бедная ты моя!..

В другой раз она обязательно бы сказала, как отрезала: «Бедная, но не твоя!», но в этот раз промолчала. Вместо этого сказала:

– Мой муж в космосе потерялся... Ученые даже не знают, в какой части галактики искать его...

Тут только она заметила, что гость обнимает ее за плечи, и осторожно, но решительно высвободилась.

– Приходилось слышать об этом отважном космонавте, знаменитом путешественнике во времени, – сказал Борис Иванович, но сдержанно. Добавил после минутного размышления:

– Почему ты думаешь, что он не на Земле? – «электрик» пристально посмотрел ей в глаза.

– Может быть, и на Земле, – не понравился ей этот взгляд, не понравился и вопрос, – но даже если это так, то нас разделяет время; он где-нибудь в семнадцатом веке, а я здесь, в современном времени...

– Или вы что-то иное имели в виду? – рассердилась она. – Хотите сказать, что Саша бросил меня, давным-давно вернулся и живет где-нибудь в Дарьинске под боком у теплой космической утешительницы? Да как вы смеете! Мой Саша не такой!..

И она посмотрела выразительно на ухват, что стоял, прислоненный к печи.

Борис Иванович, видимо, не ожидал такого отпора, попятился к двери – ухват-то совсем рядом, и уют на столе неподалеку – случись что, не помилует его эта казачка, казачья дочь (Уралками зовут у нас таких).

– Извините, извините, я не хотел вас обидеть (быстро, пронира, перешел на «вы»), просто я имел ввиду, что одной тяжело, очень тяжело. Да вы лучше меня знаете... Простите...

Даша только махнула рукой:

– Да ладно, проехали...

По правде сказать, эта предательская мысль заползала иногда и ей в голову, чего не передумаешь бесконечными пустыми вечерами и ночами? А что, если нет никакой космической вечности, а небо – только декорация, нарисованная к Новому году по заказу заведующего клубом автоколонны №1855, и живем мы кучкой на Земле, трясясь от страха – и метеорит в нас целит, и ураган стирает с побережья наши дома, и ливнями заливает наш рис, и огнедышащие жерла вулканов так близки от наших домиков – спичечных коробочек?.. А все эти ракеты, спутники, реакторы на быстрых нейтронах – только отвод глаз? И никто никуда не летает, а едет в Мытищи и женится на Лильке Задорожной, и по утрам перед зеркалом прощается с уходящей шевелюрой, по вечерам пьет теплое пиво, потому что холодное, пенящееся – в пивнушке, а в пивнушку Лилька не пускает?..

Тогда она с тоской смотрела на небо, и если был дождь, то ей казалось, что кто-то утешает ее и льет вместе с ней слезы, а если случалось ведро, а в наших краях чаще всего светит солнце, – она хандрила; нашла где-то в подвале кучу книг по космонавтике, в том числе и популярный труд Иванова «Не обжечься о звезду», в которой писатель рассказывал о том, как он однажды на цеппелине поднимался на высоту птичьего полета, где они с приятелями распили бутылочку Киндзмараули (вино оказалось паленым, пришлось по этому поводу написать книжку, чтобы хоть как-то компенсировать моральную травму). Все эти книги и множество других, которые читал Саша (например, «Опыт» какого-то доисторического сочинителя Монтеня, должно быть, француза), Даша отнесла к букинисту. Букинист отбивался, как мог, от свалившегося богатства, говорил, что космос в наши дни никого не интересует, потому что космос – это, в общем-то, пустота. А еще холод, доходящий чуть не до трехсот градусов...

Даша выбрала момент и сумела остановить разглагольствования букиниста. Она сказала:

– Я отдаю эти книги совершенно бесплатно!..

– С этого надо было начинать, – смягчил свою позицию по космосу букинист. – В общем, космический ветер не силен, но энтузиасты уже появляются, может, понадобится и литература. Я слышал даже, что возобновят полеты в космос:

мнение о том, что космос глубоко враждебен человеку, и не стремиться к нему надо, а защищаться от него, кое-кто призывает пересмотреть и продолжить космическую экспансию. Будущее человечества – в космосе... Но лично я думаю, что у нас все, как у нас – и давно утрачены секреты космических полетов. С тех пор, как Тер-Ованесян в своем блестящем, но, боюсь, ошибочном труде «Ипохондрия галактик», пригвоздил космические полеты, обосновав их экономическую и научную несостоятельность, их абсолютную ненужность, космические исследования не проводились, баки ракет растащены на душевые кабины, емкости для дачного полива, на обыкновенные мотыги...

– Разорять – мы непревзойденные мастера, – заключил букинист.

– Как же так, – огорчилась Даша, – мой муж где-то в глубоком космосе, а космонавтику признали антинаучной... Выходит, он никому не нужен?

– Как все на этой планете, – грустно сказал букинист.

В детстве, юности Даша думала, что в ней заключен целый мир, и ее космос был продолжением большого космоса; еще посмотреть надо, какой из космосов больше, а потом ей казалось, что она крохотная частичка бесконечного мира, и сама бесконечна. А сейчас ей казалось, что она сама по себе, мир сам по себе – чужой и враждебный. Она думала, что плохо так думать, но думала.

– Вам пора! – решительно сказала она «электрику», хотя ей и самой не хотелось оставаться одной: не часто все-таки встречаются приятные молодые мужчины. Она улыбнулась едва заметно: ну, надо же, она подумала о Борисе Ивановиче именно, как о мужчине.

А он выпросил ее номер телефона, и, попрощавшись, убрался восвояси. Но, как оказалось, ненадолго. На другой день он подкатил к воротам на автомобиле. Даша вышла на крыльцо, еще никогда не подъезжала к ее дому легковая машина; грузовики случались – дрова привозили, уголь, телевизор, который она купила в рассрочку, а чтобы кто-то приехал к ней на пассажирской машине – такого не случалось. Да и, вообще, в городе автомобилей было совсем чуть-чуть. И это было славно, они еще успеют нагадить вокруг, и там, где у Даши перед крыльцом росли сирени и акации, через полвека разольется грязная бензиновая лужа, и с каждым годом она будет разливаться все больше.

Борис Иванович вылез из легковушки, улыбочивый, с букетом дашиных любимых ромашек. Бывают же приятные люди.

Он церемонно поклонился и поцеловал Даше руку, и все на улице Буянной запомнили это – в каждой горенке, в каждой спальне, на каждой печке.

– Чему обязана? – улыбнулась она «электрику». – Уж не решила ли ваша организация покатать меня на машине?

У нее было хорошее настроение, ей было приятно, что за ней ухаживает такой видный мужчина. И приятно, что за этим наблюдала вся Буянная улица.

– В самую точку попала! – радостно закричал он и принялся врать несусветно:

– Наше руководство, посоветовавшись с руководством города, приняло решение предоставить вам автомобиль, так сказать, в личное пользование.

Даша ахнула: за что ей такая честь? Да и куда ей ездить – в лес, в степь, на речку она ходит пешком, да туда и можно только пешком, ну а больше она нигде не бывает, разве только на комбинате надомного труда. Но если она подъедет к комбинату на легковушке, комбинат остановится и прервется пошив пододеяльников и подрубка простыней.

– Не отказывайтесь от машины, – стал уговаривать ее Борис Иванович. – Вам дается не частая пока возможность поколесить по городу, по нашему краю, да что там – машина хорошая, неприхотливая, проходимая – можете по всему свету поездить. Заодно, может быть, сумеете что-то узнать о своем героическом муже, встретитесь с учеными, инженерами, готовившими тот памятный всем нам бросок в космос...

«Брешет, поди, кавалер, – почти равнодушно подумала Даша, – поедешь с таким, так руль бросит и под юбку полезет... Но уж больно хорошо»...

– Какая у вас организация щедрая, – сказала она. – Вы всем девушкам машины дарите?

– Нет, не всем, – улыбнулся он. – И потом – вы не простая девушка, а жена первого космонавта, достигшего звезд, оседлавшего пространство вместе со временем. Вам вместе с Александром нужно памятник еще при жизни поставить...

Даша замахала руками, не нужно никакого памятника, а нужно организовать поиски и найти космонавта, в каком бы веке, эпохе ли, не находился он.

«Электрик» добавил с чувством:

– И организовать ему горячую встречу с трудящимися, школьниками, – ему есть, о чем рассказать, вот пусть и передает весь свой богатый опыт молодежи...

«Это бред, – сказала себе Даша, – галлюцинации наяву... Так не бывает, чтобы нам столько, а им ничего. Нам никакая малость не дается даром... Что потребуют за улыбки, цветочки? Душу? А ведь они еще денег дали».

Спроси у нее, кто такие «они» и «мы», она вряд ли сумела бы ответить точно, но мироощущение ее было именно таково: вокруг есть только «они» и «мы». Все плохое происходит от «них» и с «ними» ухо надо держать востро. Кто-то в ней самой – маленький, негромкий, почти незаметный, ее голосом принялся уговаривать ее: соглашайся, конечно, соглашайся! Научись управлять этой лакированной автоколяской, мир посмотришь, себя покажешь, действительно, может, хоть что-то новое узнаешь о пропавшем муже (Никто не удосужился известить Дашу о том, что Саше поручено новое, самое ответственное из всех ответственных, задание – запустить остановившееся или остановленное время).

И вдруг неожиданно для себя самой, она согласилась. Сказала:

– Я согласна. Но если только пообещаете страшным обещанием, что дом мой не тронете, даже смотреть на него не будете!

– У нас бывают всякие обещания, – сказал Борис Иванович, – и юриспруденция вряд ли оперирует подобными формулировками, но в виде исключения, руководство города может Вам устно и письменно дать эти самые страшные обещания. Лес тоже вырубать не будут.

У Даши в голове мелькнуло: «Ну, надо же, каковы полномочия простого «электрика»! Но она тут же отогнала свои сомнения, чего придирается к каждому слову»!

Даша забралась в кожаный салон автомобиля. На самом деле, попав сюда, вылезать уже не хотелось.

– Если решили ехать, то тянуть не станем, – сказала решительно, даже сверх меры решительно.

– Завтра и отправимся в путь! Ты, надеюсь, со мной? – повернулась она к электрику всех электриков.

– Ну, конечно, – просиял он лицом, так он полюбил Дашу, готов был на руках ее носить, а ведь у нее есть муж, рассекаТЕЛЬ Вселенной.

Договорились отправиться на завтра в шесть утра и разошлись собираться.

И куда Даша собирается ехать, не умея управлять автомобилем? Не зная ни правил движения, ни дороги даже, до недалекого Баскачкинского моста, от которого в этом мире разбегаются все дороги, тропинки, все путанные-перепутанные клубки, все лазейки? Купец проедет мимо – поклонится баскаку, богатырь проскочит на кауром, – брезгливо улыбаясь, завернет к Зайнушу, примет добрую чашу, а потом и вторую... Сколь богатырей было, да повывелись... Зайнуш об том знает, да не скажет, не приучен словами разбрасываться. Но если спросить его хорошенько, уважительно, мзды не пожалеть, то кое-что поведает суровый татарин, татарский сын. Но кто спросит, если легкомысленная Даша с каким-то почти незнакомым молодчиком собирается ехать неизвестно куда, и главное – неизвестно зачем?

А всего-то нужно заглянуть к Зайнушу, и он сможет, если захочет, рассказать о Саше, Заре (меня-то это не касается, не мое это дело – помолчу)...

Даша взяла с собой в путешествие раскладушку, пару складных деревянных садовых стульев, сундучок с одеждой и сундучок без одежды, две сумки с провизией, мешок картошки, утюг, нагреваемый древесным углем, собрание сочинений писателя Стивенса и избранное Виктора Иванова, кое-какие инструменты, испокон веков хранившиеся в доме – коловорот, двуручную пилу, топор... Также прихватила с собой оружие; дорога длинна, может пригодиться и дедовская шашка, а уж винтовка Мосина – и места не так уж много заняла (с отомкнутым штыком), и придала уверенности в том, что все всерьез.

Борис Иванович долго смеялся, когда увидел эту кучу вещей. Но Даша не позволила ему выгрузить даже утюг, особенно утюг.

«Электрик» сел за руль, и машина тронулась.

– Это – педаль сцепления, – учил Дашу учитель.

Она взмахнула руками:

– Прямо так и называется? А кто с кем сцепляется? Я, если надо, так сцеплюсь, так сцеплюсь, индаль, космы во все стороны полетят.

У нее было приподнятое настроение, она была немного возбуждена, румянец горел на ее щеках.

– Сейчас будет перекресток, повернешь направо, – сказала она Борису Ивановичу. Кажется, он не ожидал, что окажется в роли бессловесного шофера.

– Вообще-то, я планировал здесь повернуть налево, – катнул он наобум первый шар. Жена космонавта не издала в ответ ни единого звука, а спустя минут пять сказала:

– Возле беленого домика остановись. Попутчика здесь возьмем.

У Бориса Ивановича вытянулось лицо, и как бы потускнела улыбка.

– А ты думал, – опять она перешла на ты, – что я с незнакомым человеком, мужчиной, вдвоем поеду за семь морей?

Вчера, когда убрался восвояси подозрительный электрик, она позвонила своему старому другу – Куанышу, и тот поначалу долго ее инструктировал, как вести себя в долгой поездке, если она вообще нужна, эта поездка (но он видит, что ее не отговорить), поэтому пусть делает так, как он скажет: быть начеку, деньги прятать в надежном месте, нет, не в косметичке, всегда иметь при себе хотя бы перочинный нож, порох держать, естественно, сухим...

– Ладно, вижу, что бесполезно тебя инструктировать, поэтому поеду с вами... – закончил он инструктаж, чему Даша несказанно обрадовалась; любое начинание приобретает хотя бы правдоподобие, если с ним согласна хотя бы пара человек. Мнение одного – каприз, согласие двоих – коллегиальное решение, которое нельзя не учитывать.

Собственно, Куаныш был старинным другом Саши. С легкой руки космонавта его все называли Табовым, или просто Таб. Таб, привет! Таб, пойдём пиво пить Таб, тебе девушка какая-то звонила!.. Фамилия у него была такая – Давлеткалиев, не сразу выговариваемая, вот и стал он Табом. Часто они с Сашей в прежние годы поутру отправлялись на рыбалку, чаще всего на старую плотину; рыбы было тогда полным-полно, а еще было полным-полно ежевики, терна, паслена, щавеля и еще каких-то ягод, названия которых никто не знал, поэтому их ели с осторожностью. Саша и Табов не возвращались с рыбалки с пустыми руками. Когда клева не было, и чебаки, голавли (почему-то голавлей в тех краях звали «головнями») и лини капризничали, Саша и Куаныш отправлялись по ягоду и возвращались оттуда, кривясь от оскомины, но с полными кульками ягод...

Потом плотину взорвали. В городе давно повелось взрывать церкви, старинные дома, в общем, все, что взрывается, а взрывается все, и горожане тоже привыкли. Сначала утирали слезы, жалко было божьих храмов, а потом, когда почти нечего стало взрывать, кое-что решили восстанавливать. Никто не выразил ни радости, ни горести. Под шум созидания плотины не стало.

С тех пор ни Саша, ни Табов не были у старой плотины, где провели лучшие дни своего детства. Они знали, что новая плотина – из бетона и стали – теперь построена в другом месте, и не решались поехать к старой, насыпной, чтобы не надирать сердца тем, чего не вернуть.

Саша с Табовым были неразлучными друзьями, но в детстве ссорились часто, не разговаривали месяцами, оба страдая от этого... Все затеи в их дворе были делом их рук. Однажды они черной типографской краской разрисовали соседскую семилетнюю девочку, добавив изображение отсутствующих, по их мнению, частей женского тела. Девчонку выдрали, но она все стерпела, как стерпела перед этим руки «художников». Они палили из поджигов по воробьям. Воробьи все остались целы, досталось только розовому белью из «настоящего» шелка, привезенного из Германии бывшим командиром специальной разведгруппы Синделеевым. Еще из трофеев он в целости привез из Берлина смущающие разум и тело картинки.

Когда Табов узнал, что Саша ушел в глубокий космос, он сказал:

– Я так и думал, что это будет он.

И еще Таб сказал:

– Он вернется. Он не может без всего того, что нас здесь окружает (как он там, например, без ротонды со стольпинского бульвара?); сила этой любви выдавит его откуда угодно – хоть из десятого измерения.

Таб сказал Даше:

– Я говорю так всем, чтобы магнит этот стал еще сильнее. Если он не вернется, значит, это невозможно.

Даша заплакала.

Едва машина подвернула к дому Табова, как он вышел с рюкзаком, выдавшей виды удочкой. Высокий, подтянутый, на висках ранняя седина. Рядом с ним как-то потускнел Борис Иванович. Но он все равно нравился Даше. Он всем нравился.

Табов пожал руку Борису Ивановичу, спросил с улыбкой:

– Даша, ты самовар не забыла?

– Будь спокоен! – она похлопала по сияющему боку самовара.

И машина понеслась в противоположную от Баскачкина моста сторону. Зайнуш напрасно поглядывал то на часы, то на дверь – и в этот день, как и во многие предыдущие, никто не постучался к нему.

Глава четвертая: ПРИВАЛ

Коней (одного назвали Орликом, а другого – Дождем; Дождем его нарекла, конечно, Зара) вели в поводу – и потому что берегли их в этой бескрайней степи, на этой бескрайней равнине, и потому что никуда не торопились... Станичник по этому поводу сказал как-то:

– Идем куда глаза глядят... Не знаем куда, не ведаем зачем... Но лучше идти, чем стоять...

Философ.

Пили затхлую воду пустынных колодцев, свою воду берегли, поминутно поглядывая на бурдюки, в которых плескалась их жизнь. Почерневший от солнца станичник уверял, что днем в тени – за пятьдесят. Интересно, где он нашел тень?

– По Реомюру? – уточнил Саша.

– Какая-никакая, а с нами девица, – ответил станичник, – поганые слова тут ни к чему...

Саша посмотрел на него: чем дальше они уходили от ставки Темучина, тем шире расправлялись его плечи. Дошло до того, что в одну из ночей, сидя у костра с пиалой кумыса, он задумчиво сказал:

– А между прочим, батюшка с матушкой нарекли меня при рождении Тимофеем...

Саше стало стыдно, и он спросил:

– А по батюшке как вас зовут-величают?

– По батюшке чтоб величали – заслужить еще надобно, – сказал он. – Кличьте Тимофеем – я откликнусь...

В первый же вечер путники определили по солнцу, что шагать им нужно пока на закат.

Как-то на привале вспомнили об инкунабуле, подаренной Темучином. Да, собственно, и не забывали никогда, да все руки не доходили. Зара открыла книгу, как платяной шкаф. Тимофей со всех сторон осмотрел подарок Темучина, одобрил:

– Ладно сработано. Дорогая вещь. У Володьки Ириклинцева похожая была, он с Царь-града привез. Посмотреть на нее приезжали даже с Лебедка. Но в позапрошлом году он отдал книгу Ваське длинному за три меры мучицы – голодный год случился. Жалко книгу, хоть не по-нашему писана...

Примечание автора. Добро бы за муку отдал Володька книжицу. Кто-то божится, что в те дни видел длинного во хмелю, что тот душевно гулял с дружкой своим, таким же, как и он сам, беспутным Васильем, табашником и питаком.

Зара пробежала глазами первую страницу, потом стала читать вслух, торжественно: «Деву черноглазую, прелестную, когда встретится, не отвергай, лик ее обращен целый день на восток, а ночью, о мудрый, – только на тебя. Возьми ее с собой, и сам того не заметишь, как ее путь станет твоим. Тогда иди за ней и верь слову, но больше слова – тайным знакам, о которых ведаёт дева...».

– Постой, постой! – прервал чтение Саша. – Тут как будто про нас написано, чудно! Вот раньше писатели были, пророки!.. А о Тимофее ничего не сказано?

Зара кивнула, дескать, сказано. И прочитала: «Брадатый муж не станет по-мехой, его быстрый меч (она взглянула на огромный ятаган Тимофея) и защитит, и вступится за поруганную честь...»

Саша не удержался:

– А про Дашу есть?..

Зара потемнела лицом, перевернула страницу, затем другую, третью.

– Здесь стихи, их трудно переводить, – объяснила она. – Да в них и нет ничего особенного. Все здесь про любовь...»

– Ты хотя бы одно перескажи своими словами, – попросил Саша. И она прочитала:

– Все постройки когда-нибудь разрушатся и порастут травой забвенья, лишь здание любви будет стоять вечно ...»

– На самом деле так, – откликнулся Саша. – Хафиз был большим мудрецом.

Мне очень нравятся его газели о вине...»

Зара слушала его, широко раскрыв глаза.

– Погоди, погоди, – как будто он что-то вспомнил. – А что Хафиз делает в книге, которая, должно быть, старше поэта на триста лет?

– Может позже дописали? – нашлась переводчица. – Это же путеводитель; чтобы в пути было не скучно, написали стихи – наверное, так и было...»

– Наверное.., – с сомнением произнес Саша.

Так Зара и не ответила Саше насчет Даши. Как, впрочем, ничего не сказала она о дальнейшем маршруте... Она как будто что-то недоговаривала. А Саша ничего не замечал, или не придавал ни малейшего значения пророчествам старинной книги. Собственно, никаких пророчеств пока Зара не находила, или невнимательно читала?

Нешадно палило солнце, некуда было спрятаться от этого нестерпимого зноя. Тимофей старался каждый лишний (хотя откуда он возьмется лишний?) глоток воды отдать Заре. Та этот самый глоток норовила вылить в кружку Саши.

Шли ночами... Куда?

Однажды их перегнал всадник, замахал руками с гребня близкого бархана, и они поняли только одно – надвигается опасность, нужно уходить или прятаться. Ни того, ни другого путники не могли сделать. Единственное, что им удалось, – залечь за самым высоким барханом.

– Что случилось? – спросила Зара. – Пески идут?

– Идут, но, может быть, совсем не пески, – непонятно ответил Саша.

И в эту минуту до слуха путников дошел лязг металла о металл, рев моторов, мерный грохот барабанов. И весь этот ужасающий шум в одно мгновение заполнил окрестности. По широкой долине двигалась бронетехника, шли самоходные артиллерийские установки, катили передвижные ракетные установки.

размеренно шагали – батальон за батальоном – суровые бойцы; ни одной улыбки не мелькнуло на их тяжелых землистых лицах. Личное оружие, которое они сжимали в руках, было готово к немедленному применению.

Войска и техника шли неостановимой и нескончаемой лавиной. Огромный грузовик, с прицепленной пушкой, захлебываясь ревом, прополз по песку буквально в десятке метров от путников. Водитель сосредоточенно смотрел вперед.

– Что это? – спросил потрясенный Тимофей.

– Это – Мировая Рать, – ответил Саша. – Когда-то в космическом центре нам рассказывали об этой самой сильной армии во Вселенной, которая внезапно появляется в самых неблагоприятных местах – и железной рукой наводит порядок. Рассказывать-то рассказывали, но, по сути дела, никто о Рати ничего достоверно не знает, потому что видели эту армию очень немногие. Да и видели они ее, как мы с вами сегодня. Командиры Рати не вступают в контакт ни с кем из гуманоидов. Они выполняют приказы своего Верховного Главнокомандующего точно и своевременно, не обсуждая их, – и потом так же внезапно, как появились, войска уходят, не оставляя следов. Откуда ратники появляются, где их дом? Где играют в войнушку их малолетние сыновья? Или – они вечные странники, и спят, не снимая брони – нет им покоя на этом свете? Работы у них хоть отбавляй.

– Сейчас они на марше, – продолжил Саша, – и я попробую предположить, что они следуют к месту, откуда осуществляется переброска Рати к очередному месту сражения. Думаю, что они перемещаются в пространстве совершенно свободно, несмотря на то, что время остановилось. Они, должно быть, легко преодолевают чудовищные расстояния, пересекают из конца в конец целые эпохи, исторические периоды – века и тысячелетия для них пустой звук.

– Я это к чему говорю? – продолжил Саша. – А не удастся ли нам с их помощью поближе подобраться к своим временам?

Зара пристально посмотрела на него: из них троих только он один заблудился во времени, так почему же он говорит «мы», «нам», как будто и Тимофей, и Зара вместе с Сашей отправятся в его, Сашин, невероятный мир, о котором он каждый вечер, перед тем, как тронуться в путь, не устает рассказывать? И ночью, когда они идут по пескам, прислушиваясь к обманчивой тишине пустыни, и утром, когда они пытаются найти хоть какую-то тень, он говорит, как бы сам с собой:

– Улицы моего города еще не так давно были похожи на садовые аллеи, заросшие зеленью, старинные дома утопали в акациях, сиренях, вдоль улиц журчали прохладные арыки. По вечерам горожане поливали улицы водой из арыков, чтобы прибить дневную пыль, и выходили во дворы пить чай под акациями, неспешно делиться новостями...

– Как называется этот великий город, где еще сохранилась прохлада? – спрашивала иногда Зара, потому что уже давно знала ответ – Уральск.

– Как же, как же, слышала об этой жемчужине Востока, – говорила Зара, и это стало у них какой-то почти обязательной игрой, потому что тогда он обязательно поправлял ее – Уральск стоит в Европе, на берегу желтоглазого Яика, и населяют его почти сплошь поэты... Это родина Татьяны Азовской... Этот край любили Валентин Бузунов, Борис Пышкин, Николай Чесноков, Наталия Сладкова... Кто они были? Кто они есть? Люди...

Тогда надо было обязательно спросить: «А кто такая эта самая Азовская?». И начинался вечер воспоминаний.

– Азовская – наше все... Поэт. Но главное – она мой друг...

«А главное, останется река –

Исток судьбы, дремучий голос крови.

Здесь хитрый предок обучался воле

И обживал крутые берега...», – иногда читал он, и Зара говорила, что эти стихи посильнее, чем у Рафсанжани.

В эту самую минуту внезапно смолк грохот передвигающихся полков Мировой Рати. Тишина навалилась на путешественников, как огромный ком ваты.

– Никак они нас заметили, – сказал с опаской Тимофей. – Должно быть, нас, мужиков, убивать станут, а тебя, дочка, ишо погодят... Но лучше бы убили сразу...

– Как так убивать! – испугалась Зара. – Я ничего такого не сделала, вообще, мы мирные люди... Тимофей, закопай ятаган в песок, и это... копьё – тоже...

На что Саша сказал ей:

– Как раз мирные люди погибают на войне первыми... Военные очень любят открывать огонь по всяким бродягам, подозрительным штатским, журналистам...

Он напряг зрение. Не похоже было, чтобы хоть кто-то собирался набрасываться на путников. Воины спокойно курили, очищали траки от песка, пили воду, в общем, это был обыкновенный привал; любая армия не обходится без привалов, когда бойцы пишут торопливые письма любимым, когда подшивают подворотнички, иначе так можно натереть шею гимнастеркой, что свету белого не взвидишь. Ратники быстро собрали кю-мезонные душевые кабины, сбросили одежду и подставили усталые тела под живительные струи...

Зара, увидев огромное количество голых мужиков, густо покраснела и отвернулась.

– Теперь дело за малым, – улыбнулся Саша, – узнать, куда они направляются, и попроситься в попутчики...

Тимофей почесал затылок: разве отпустит любой военный начальник такую подозрительную компанию. Кто это такие, ну, конечно же, шпионы. Да еще интересуются маршрутом. Участь шпионов во всех армиях одна...

– Опасаюсь я, однако, – сказал он. – Невиданное дело затеваешь ты, Александр... Ты думаешь, для чего столько оружия держат при себе эти суровые мужчины?

– Однако деваться некуда, – ответил космонавт. – А кроме того, сдается мне, что на этот раз все обойдется...

Он поднялся и решительно зашагал к огромному бронетранспортеру, экипаж которого расположился совсем неподалеку от того бархана, за которым прятались путешественники.

– Саша! – пронзительно закричала вслед ему Зара. – Будь осторожен!..

Он обернулся и помахал ей рукой. Но, странное дело, воины никак не отреагировали на появление путников. Они продолжали плескаться в кю-мезонных душевых, курить, всматриваться в планшеты с картами, кто-то даже подкреплялся бутербродами с черной икрой. И никому здесь не было дела до Саши и его маленького отряда.

Он подошел к офицеру, делавшему какие-то пометки на карте, и заглянул через его плечо. Офицер явно не видел Сашу, да и все огромное воинство не замечало, смотрело сквозь Тимофея, Зару, Сашу.

– Идите сюда! – позвал Саша своих спутников. – Это никакая не армия, это, скорее, тень от великой армии... Ее голографическое отражение, выполненное на высочайшем уровне...

Пришлось ему потратить немало слов, чтобы хоть как-то объяснить Тимофею и Заре, что же это такое – голография.

– Да понял я все, – в итоге сказал Тимофей, – это не люди, а картинки людей... Эка невидаль! Только для чего они нужны, игрушечные солдатики?

– Мало ли для чего, – принялся рассказывать Саша. – Например, для дезинформации вражеских войск... Настоящая армия, скажем, готовится нанести удар по распоясавшимся куэнзимам южных галактик и концентрирует свои подразделения на Венере Тринадцатой, а голографические войска тем временем маршируют по бархатным площадям одной из курортных планет, – и враг в полной уверенности, что Мировая Рать благодушествует, что пока не нужно ждать от нее каких-то неприятностей. И вот уже враг утратил бдительность!..

– Да, Зара, – добавил Саша, – ты так выразительно поглядываешь на душевые кабины, и тебя понять можно, что я тебе настоятельно рекомендую принять юмезонный душ; он хоть и голографический, хоть и электронный, но прохлада от него реальная. Хотя, конечно, ей далеко то той прохлады, что была в Сиреневом Садики в нашем городе...

– ...Уральске, – привычно добавила Зара.

– Так ты идешь под душ? – еще раз предложил Саша Заре.

Та зарделась. Так легко краснеют восточные гурии, заметил Саша.

– Здесь столько мужчин, – потупилась она. – Я не могу...

– Мы с Тимофеем отвернемся, – сказал Саша, а эти орлы тебя не видят...

– Но они же голые, я не могу.

– Как хочешь, – беспечно сказал Саша, – а мы с Тимофеем собьем с себя дорожную пыль. Не возражаешь?

– Не возражаю, – еле слышно сказала Зара. Она легче бы согласилась дать себя убить, чем раздеться среди тысячи голых мужчин... Но так притягательно, как настоящие, живые, манили к себе тонко журчащие прохладные струи душа. В самом центре пустыни...

Тимофей с Сашей зашли в душевые кабины, мгновенно сбросили одежду, и уже через пару минут Зара услышала, что оба напевают какие-то песни, или, может, одну и ту же?

И она не выдержала.

– Отвернитесь! – приказала она Саше и Тимофею. И стала раздеваться.

– Хорошая получилась бы фотография, – сказал Саша. – Десять тысяч голых мужиков и одна красавица... Тоже голая...

И он обернулся, как будто его кто-то позвал, а, может, и на самом деле, позвал? За долю секунды он увидел все – раскаленные барханы, ящерицу на самом гребне одного из них, гюрзу, свернувшуюся под вечерним солнцем, само солнце, торопящееся к западным народам, – и все это было только фоном для женщины, единственной в этой бескрайней пустыне. Весь мир, оказывается, готов всегда служить ей фоном. Саша до сих пор этого не замечал.

Она увидела, что он повернулся к ней и не стала прикрываться руками. Саша резко отвернул голову, даже зажмурил глаза, но Зара никуда не делась – вдруг она теперь повсюду?

Когда солнце уплыло за горизонт, вместе с ним растворилась в вечернем мареве Мировая Рать, несколько разочаровавшая всех. Сашу тем, что не удалось воспользоваться призрачной техникой голографической армии. Тимофей в глубине души надеялся, что именно на этой равнине состоится грандиозное историческое сражение, нет, лучше – воинские учения, почти боевые, чтобы он потом мог рассказывать в своем родном Бузулуке о великой битве, в которой он почти участвовал. Зара не смогла бы даже облечь в слова свою легкую досаду. Что бы там не говорили, мужчины могли бы быть чуточку внимательнее.

Саша... Какая-то тонкая ниточка-струна протянулась между ним и Зарой, и ее, эту струну, уже было слышно, и звенела она почему-то грустно-грустно.

Ночью тронулись в путь. Саша сказал, что нужно теперь двигаться на Север. Ему удалось рассмотреть на карте офицера-ратника пункт, отмеченный зеленым значком.

Идти пришлось недолго. Уже через час пути им стали видны щедро освещенные строения. Понять их назначение не было никакой возможности. Огромные пакгаузы, тускло мерцающие в ночи цистерны, тарелки антенн, мачты и ажурные башни могли быть чем угодно – военной базой, складом повидла, швейной фабрикой...

Они подошли к воротам, вывеска на которых тоже не добавила ясности. «ПРО-2014» – гласила она. То ли «Провизия-2014», то ли «Противовоздушная оборона».

– Скорее всего, здесь электронная охрана, – сказал Саша, – она хороша для берега от таких же электронных нарушителей, она непреодолима также для людей, не испорченных компьютерной техникой, а во времена Темучина, может, и есть один «Пентиум» на всю солнечную систему, и тот в мозгу завоевателя мира... Современный человек легко обманет любой чип или просто разобьет его ломиком.

Как бы в подтверждении его слов, у ворот базы стояла крошечная проходная, в помещении которой перемигивались сотни разноцветных светодиодов, на мониторах мелькали кадры каких-то укромных уголков, время от времени вспыхивали яркие транспаранты, извещавшие о том, что где-то производится видеозапись, а где-то она, как раз, прекращена.

– Ну вот, – сказал Саша, – прежде строили неприступные стены, а теперь вешают видеокамеры. Главным считают не охрану, а съемки злоумышленника, как будто идет кастинг на роль багдадского вора. Но нам сегодня это на руку...

Он взял у Тимофея копьё, всмотрелся в ряды перемигивающихся огоньков.

– Тут может не хватить жизни, чтобы разгадать эти шарады, – сказал он. Ввесил на руке копьё и со всей силы вонзил железный наконечник в пластиковую плату, где густыми пучками висели разноцветные (все тут было цветным) провода, щелкали какие-то реле.

Тут же из платы повалил густой черный дым, поползли языки пламени. Он вытащил копьё из переплетения проводов и ударил еще раз. Часто замигали лампы освещения и через минуту погасли, где-то завывала сирена. Зару испугал этот пронзительный вой, она обняла Сашу:

– Пойдем скорее отсюда, пойдем. Что это за вой, никогда не слышала ничего страшнее?... Шайтан страдает...

Тут же раздался ржавый визг, начали открываться металлические двери ближайшего пакгауза. Саша заглянул в дверь и увидел огромные коробки. Их было так много, что невольно создавалось впечатление – эта гора ящиков является продолжением не меньше, чем Млечного пути. На ящиках было полно этикеток, Саша нашел среди них и на русском языке. «Сок кизилковый, натуральный, пастеризованный».

Саша открыл одну коробку – в ней полно банок с соком, он открыл наугад еще несколько ящиков – все тот же кизилковый сок. Прежде он, кажется, даже и не слышал о таком, а вот глядите – миллионы банок с ним, пастеризованным. Наверное, кто-то вывез в пустыню весь мировой запас кизилового сока.

Путешественники открыли еще пару пакгаузов, но и в них обнаружили неслыханное количество банок с соком. Натуральным.

Саша подошел к ближайшей видеокамере и на хорошем межгалактическом служебном языке произнес:

– Все, что здесь сделано мною и моими товарищами, сделано в интересах галактической интеграции. Галактическая лицензия не просрочена. Я со своей группой в результате метагалактического временного коллапса застрял где-то в первой четверти тринадцатого века – по межгалактической хронологии, точнее определить не могу. Best regard!

Каково же было удивление земного космонавта, когда под потолком пакгауза что-то захрипело, прокашлялось и сказало: «Вот уж не думал встретить здесь земляка...». Динамик еще немного похрипел и добавил: «Свой свояка бачиць здадека...» И дальше речь невидимого собеседника потекла ровно и без запинок:

– Сижу я на тринадцатой планете системы «Сириус – 18» уже второй год, скукота смертная, иногда летаю на космостанцию пивком побаловаться, да с девочками пошалить... Смены ждать еще четыре года, а тут свалились мне на голову эти сараи с кизилковым соком... Все отказались почему-то от этого сока... А я потихоньку пью его, как выпью две с половиной тысячи банок, так – дембель... Может, вы возьмете парочку составов?... Честное слово, вещь поразительная по своим энергетическим качествам... Ах, не нужно? Печально, я бы хорошие скидки вам сделал... А задаром? И даром – не нужно?

Голос замолчал, может, обиделся, что не удалось сбыть хотя бы вагон пастеризованного.

– Ну, ладно, – понял свою ошибку Саша, – возьмем пару полных хурджумов, оплату гарантируем по возвращении на Землю.

Голос радостно хохотнул, затем спросил, сквалыга:

– Вообще-то у нас разработана гибкая система скидок-задатков, но для вас, ребята, сделаем исключение – берите товар без задатка; при расчете просто оплатите пеню. Надеюсь, что неведомые мне меры объема – хурджумы – достаточно велики, что позволят нам вырученные средства направить на ремонт и запуск остановившегося времени.

– Хурджумы велики, – сказал Саша, посмотрев в сторону Орлика, коня с притороченными дорожными мешками, и в сторону Дождя, на котором были бурдюки с водой. – А пустыня еще больше. Теперь насквозь пропитаемся кизилковым соком...

Голос снова зашелся в кашле. «Не то человек хворый, не то неполадки на линии, – подумал Саша. – Хозяин кизилового сока.

– А, может, в гости ко мне пожалуете? – пробилось несколько слов сквозь кашель. – Буквально на пару часиков, распишем пульку, бутылочку мальвазии откушаем, – и отправитесь дальше по делам вашим спешным? А девушка может посетить на «Сириусе – 18» музеи «Космические неудачи» и «Космомода». У нас эти музеи очень популярны... Едем?

– Мы бы с огромной радостью, но... – стал отказываться Саша, имея в виду, что на своих монгольских гривастых конях они вряд ли смогут так быстро добраться до «Сириуса – 18».

Голос не принял отнекиваний. Оказывается, в его распоряжении есть-таки крионно-водородный портал обретенного времени, пожалуй, единственный во всей вселенной, оставшийся после решительной борьбы звездных правительств с валом иммиграций в прошлое, в результате которых опустели века после девятнадцатого; всем хотелось жить в восемнадцатых, девятнадцатых, и никого палкой не загонишь в век двадцатый... Как перелетные птицы на юг, так и население Земли потянулось в империи, абсолютные монархии, самодержавные царства. Из таких держав, как «Россия-7», Имерика, Северная Имерика успели сделать ноги все жители, и расселились подальше от Бородино, Березины, Ватерлоо... и на всякий случай не поблизости от Прохоровки, Ленинграда... Тогда были запрещены дорогие крионно-водородные порталы обретенного времени, надежные, простые в управлении, портативные... Миллиарды этих простых устройств были уничтожены или переделаны в обыкновенные керогазы, тоже простые и надежные, без которых лучше не соваться в глубокий космос. На смену этим удобным гаджетам пришли громоздкие и дорогущие приборы для перемещения в пространстве и времени, которые работали на брикетированном торфе. Причем, даже для самого захудалого броска сквозь пространство требовалось не менее трех центнеров топлива. Вскоре частная космическая инициатива стала хиреть на глазах, и обширные пространства обезлюдели. И только отчаянные смельчаки отваживались иметь устройства для передвижения в бесконечных измерениях вселенной (за это полагалась смертная казнь, правда, очень гуманная).

Саша был потрясен услышанным. Он почти потерял надежду на возвращение домой, всю голову изломал, придумывая, как послать о себе весточку любимой жене, а тут буквально в двух шагах от него мощнейшая машина времени – одно только сашино прикосновение к сенсорной панели – и он окажется на улице Буянной, рядом с Дашей, в общем, – дома...

Сколько же в Урале утекло воды с тех пор, когда он оставил на берегу безымянного заливного озера, на дощатом мостике, свою удочку и ведро с карасями и окунями – и отправился в глубокий космос? А, может быть, до сих пор плещутся в том ведре те самые рыбешки, только подросли немножко?

Домой, пора домой! – заторопился он. – Распрощаться с попутчиками, отдать им всю воду, весь кизилковый сок, потрепать по холке Орлика, спросить у Дождя – не будет ли случаем сегодня дождя, да и отправиться в свой ненаглядный город... Станичник, Тимофей, то есть, присмотрит за лошадьми; если что, они ему очень пригодятся в хозяйстве...

Да, книгу предсказаний, путеводитель этот, поручить Заре... Может, и ее он приведет к дому?.. Книга хороша, там все дороги, все перекрестки, но Саше она больше не нужна, он на пороге своего дома, да и кто будет переводить-то?

Саша взглянул на Зару; девушка стояла, как всегда, потупившись, но на этот раз медленно подняла голову и улыбнулась. Саша поразился: а ведь он никогда не видел ее улыбающейся.

Голос из-под крыши поторопил:

– Так вы скоро? Я включаю турбулентор... Не забудьте свои хурджумы... Кизилковый сок очень полезен...

Зара невесомо дотронулась до руки Саши.

– Отправляйся один, мы только обузой будем, – все поняла она, – а тебя жена ждет... Ты уже столько лет в пути, пора возвращаться...

Тимофей тоже осознал момент, поправил на поясе ятаган, сказал:

– Однажды всем нам приходится прощаться с боевыми товарищами... Тут уж ничего не поделаешь. В нашей сотне был знатный копейщик, он и с мечом управлялся знатно, прозывался он Нибеды. Вместе с повелителем этот Нибеды побывал в ста схватках, ста кровавых сечах, но Господь, а по-ихнему Всевышний Аллах, хранил воина, даже царапины не было на его теле. Нибеды всегда бросался в самую гущу боя, казалось иногда, что вот-вот и изрубят его сверкающие сабли, или грудь пробьет тяжелое копьё, но как будто заговорен он был от вражеского оружия. Снова и снова выходил он невредимым из боя. Вы должно быть знаете, что воины – народ суровый, но суеверный. Почти у каждого есть свои амулеты, обереги, ладанки. Их носят поближе к телу, бывает, что с ними сверяют каждый шаг. Так вот, Нибеды стал живым оберегом нашей сотни. В сражении все старались держаться поближе к нему. И вот пришла ему пора отправляться домой, за смелость, за верность, за великую пользу для войска наградили его, отпустили повидаться с детишками своими малыми, со старенькими родителями и строго наказали, чтоб к наурызу вернулся – войско по весне опять собиралось на Русь.

Нибеды взял кусок лепешки, добрый кинжал – всякие люди водятся на пути – и не стал мешкать. Может, завтра ему уже не выпадет такое счастье?

Но недалеко ушел Нибеды от лагеря. Сотник нагнал его, сказал:

– Не в службу, Нибеды, прошу тебя остаться всего на один день.

– А что может случиться завтра, курочка снесется золотым яичком?

– Хорошо бы, – сказал сотник. – Просто душа у меня не на месте, как бы не случилось чего этой ночью... Остайся, на одну ночь, а утром я сам тебя провожу... И товарищи твои тоже просят тебя... Что решает один день? А я пока осмотрю, ветер послушаю, может, чего и узнаю...

– Ну, хорошо, – согласился Нибеды, – но утром даже не пытайся меня остановить. Заодно посмотрим, что решает один день.

Время тогда подчинялось кинжалам, до утра выживал не каждый, и утром всю сотню Нибеды нашли зарезанной в своих кибитках. А уйдя он вовремя – жил бы и до сих пор...

– Вот вам и один день, – вздохнул Тимофей. – Десять лет пролетают, как стрела, одна ночь тянется без конца, запоминается, как вся жизнь.

– Я не могу больше ждать с включенным турбулентором, – где-то далеко-далеко провopil голос, и уж совсем тихо добавил:

– Не забудьте кизилковый сок!..

– Я остаюсь с вами, – сказал Саша. – Сначала вас с Зарой доставим в целости и сохранности до ваших домов, а потом я сам как-нибудь дошагаю до Буянной...

Все-таки я тренированный специально космонавт, меня учили выживать где угодно, есть что попало, не спать неделями, подниматься на Эверест в одном тренировочном трико...

Радостная улыбка осветила лицо девушки. Она улыбнулась еще раз, и он понял, что, может быть, не сумеет распрощаться с нею...

– Зара! – позвал он девушку. – Давай, что ли, почитаем твою книжищу, она пока, в общем, не врет. Может, и дальше правду скажет? Как ты думаешь?

Тимофей помог ей принести книгу, по пути пожалев Дождя за то, что тому, славному боевому коню, приходится таскать никому не нужные вещи; ну ладно, кизилковый сок, он в пустыне – спаситель, но кого может спасти книга?

– В самом деле! – усмехнулся Саша.

«Дорога дарит путникам радости, – начала читать Зара, – и встречи, которым открываются сердца...»

Саша перебил ее:

– Ну, просто командировочный отчет,... Если книга волшебная, то и слова должны быть в ней волшебные...

– Так и есть, – сказала Зара, – здесь лучшие стихи мира, прозрачная, тонкая лирика... Стихи должен переводить поэт, а я не поэт, извини, пожалуйста...

Саша понял, что брякнул что-то не то, обнял ее за плечи, сказал:

– Честное слово, не хотел тебя обидеть... Пожалуйста, переводы, как получается...

Главное – смысл, конкретика – куда и где повернуть, куда идти – направо или назад?..

Зара высвободилась из рук космонавта, перевернула страницу, стала читать медленно и торжественно: «После встречи с великим войском не чурайтесь забытых путей, не спешите одним шагом море перешагнуть...»

Саша опять перебил ее:

– Разве может существовать такая книга? – спросил он у девушки. – Это заблуждение, и ты лучше меня это знаешь. Подумай сама... Неужели тысячу лет назад кто-то мог знать о том, что здесь будем проходить мы, и у нас в руках окажется эта книга – с переводчицей в придачу? Выходит, каждый наш шаг предопределен? «Что было, что будет и чем сердце успокоится» – эта инкунабула давно прочитана? И тот, кому выпало этот труд прочитать, а уж тем более тот, который написал его, знают все о каждом из нас? Быть этого не может, хотя, конечно, проследить судьбу человека ничего не стоит, тем более теперь, когда время остановилось... Тем более, что миллионы судеб схожи, как близнецы... А заметных судеб всего-ничего...

Но кому по силам такая работа?

Саша быстро осенил себя крестным знаменем.

– Я же говорил, что никчемная это вещь – книга, – подал голос Тимофей. – За чем мне про себя читать, я про себя и так все знаю. А эти писаки все переврут. Я знавал одного такого, тот в башне сидел, не пил, не ел путем – все писал и писал... Как-то мне удалось заглянуть (грамоте сподобил Господь научиться) в его записи, так у меня волосы дыбом стали – там сплошная брехня. Вот такой напишет, что ты разбогатеешь, а тебя или зарежут, или в полон уволокут...

– Писаному не верю, – заключил Тимофей.

– Ты просто «неистовый Виссарион», – сказал негромко Саша, и Зара продолжила перевод: «Увидев море, не бросайся к воде, осмотришь, в дверь войдешь после захода солнца...».

– Какое море, какая дверь? – недоумевал космонавт. – Вокруг пески...

– А мне кажется, что море есть, я чувствую море..., – сказала Зара. – Нужно идти вон к тому холму.

Она показала рукой в сторону самого высокого бархана.

Саша подумал, что, если память ему не изменяет, то в этой местности нет никаких морей. Ручьев нет, не только морей. Но он шагал к бархану. Карабкался, утопая в песке, на его вершину. Для того, чтобы доказать Заре, что книга ее – обман; вот же, шарлатаны водились с незапамятных времен. Фокусники, бомбилы, колдуны и парапсихологи стали собирать нектар жизни еще с тех пор, когда земля была теплая, как сдобная булочка, и доверчивые земляне всегда охотно шли на знахаря, ведуна, юродивого, как язь идет на жирного выползка.

Саша забрался на вершину и поднял голову: почти у самых его ног плескалось море, синее, тихое.

– Наверное, опять голография, – сказал Саша. – Вот, собаки, и у нас научились делать, даже крики чаек слышны.

Он поднял голову; над ним парили огромные крикливые чайки. Невдалеке от берега хлопал обрывком паруса, судя по всему, сидящий на мели одномачтовый корабль. Скорее баркас. На палубе не было заметно ни души. В сотне метров от берега стояла железнодорожная цистерна. Все выглядело реальнее, чем могло бы быть на самом деле

– Вот это фокус! – произнес Саша. – И даже брызги соленые летят... Но у меня такое ощущение, что все это я уже видел... Но где?

– Настоящее море, мокрое и соленое, – Тимофей плеснул себе на лицо морской воды. – Первый раз вижу море, экая чудища водищи! Я, конечно, слышал, что оно большое, но все-таки не такое агромадное... Даже другого берега не видно.

Так это не голография? Но не было в тринадцатом веке железных дорог, и мазута не было в цистернах.

– В книге еще говорилось о какой-то двери, которую нужно открыть в полночь, – напомнила Зара, и путники принялись озираться, как будто двери – это самый обычный предмет в пустыне.

Осмотрели каждый бархан, Тимофей, совершенно ошалевший от моря, добрался до баркаса, но и там дверь никакая не была обнаружена.

– Загонял нас всех этот «путеводитель», – сказал Саша. – Без него, глядишь, и вышли бы куда-нибудь поближе к людям, поближе к городам...

Зара пожалала плечами. Он все время будто виноватил ее в чем-то, а похоже – во всем.. Вот опять:

– Зара, это более, чем странно – откуда здесь море, и откуда это судно? Тем более, что баркас – моторный... Я посмотрел, там даже мотор исправный, смазка свежая, горючим заправлено... Выходит, мы все-таки из тринадцатого века попали каким-то образом в двадцатый?

Зара вздохнула. А ведь Саша, сам не понимая того, все время оказывает ей знаки внимания. То просит переводить «путеводитель», то бурчит на Зару, то спрашивает, не хочется ли ей замечательного кизилового сока? Но он не может признаться даже самому себе, что Зара занимает все его мысли.

– Нет, скажи мне, – продолжал он, – время кем-то остановлено (мы еще доберемся до этого мерзавца), а возня вокруг времени все продолжается. Вон и хозяин кизилового сока имеет криогенную машину для перемещений в пространстве, и здесь на побережье происходит что-то непонятное.

Путники опять открыли «путеводитель»: «Через три восхода солнца ты, кому поручены эти души, вступи в сражение, – книга явно обращалась к Саше, – и, не проливая крови, одолей противника. А потом перешагни через заветную черту, но спеша – это еще не твой мир – тебе идти далеко...»

– Зачем эти древние мудрецы писали загадками, – опять завелся Саша, – тоже мне «... победи без крови!» А кого побеждать? Или «заветная черта» – не работал ли сочинитель книги в шестидесятых годах в райгазете «Сельский труженик»? Не путеводитель, а сборник шарад и сканвордов... Да, как ты смогла одолеть этот сложный язык?

– Усидчивостью, – просто ответила она.

И зачем-то добавила:

– У наложницы свободного времени бывает много...

Она тут же пожалела, что произнесла эти слова, увидев, как побелели, словно на крепком морозе, сашины губы. Он скользнул по ней взглядом, круто развернувшись, пошел к самой кромке воды и медленно двинулся вдоль кромки, внимательно глядя себе под ноги.

Слезы заблестели на глазах у девушки.

Зара, должно быть, желая хоть как-то исправить неловкость, крикнула ему:

– Саша, мы только что не просеивали песок, ничего там нет. Иди к нам!

И в это время космонавт поднял что-то с песка. Какой-то клочок или обрывок, – и принялся его разглядывать со всех сторон.

– Ну вот, все еще больше запутывается, – сказал он, – я нашел билет в кино на третий ряд. А, впрочем, вы не знаете, что эта за такая штука – кино. – И он, как мог, рассказал о том, что же вышло с изобретением братьев Люмьер...

– И тут большая загвоздка, загадка, – продолжил он. – Братаны старались в 19 веке, а мы сейчас с вами – в 13... Спрашивается: как попали на берег этого неизвестного моря билеты в кино? Да, еще скажу, билеты датированы 2098 годом... Да еще время кто-то замкнул, и все встало. Столько всего навалилось!

Зара перевернула еще одну страницу своей книги: «...не ставь телегу впереди лошади, люк нашел?...»

– Постой-постой! – закричал Саша. – Откуда взялся люк?

А про телегу он пропустил мимо ушей.

– В языке «марати», – ответила она, – понятия «дверь» и «люк» – тождественны...

– А мы ведь искали дверь, – сказал Саша, – а люк-то, во всяком случае, хотя бы один, я здесь видел.

Он хотел немедленно отправиться на баркас, но Зара удержала его. При этом она прикоснулась рукой к его плечу, он покраснел, как пятиклассник, влюбившийся в свою пионервожатую.

– В книге сказано, что нужно открыть люк – после восхода, ступить в какой-то бой и победить бескровно, а уж потом перешагивать через черту какую-то, – сказала она ему, как можно ласковее. – Также хочу напомнить, что дверь открывать и побеждать надо через три дня...

– Да, я почти готов, – сказал Саша. – Тимофеей, не показал бы ты мне пару приемчиков владения ятаганом или... этим... кинжалом?

– Это мы с вашим удовольствием, – обрадовался возможности размяться бывалый воин. – Только кого воевать?..

– Этого мы пока не знаем, – сказала Зара, – но, думаю, враги скоро дадут о себе знать.

Она как в воду глядела.

Два дня путники отдыхали на берегу таинственного моря, пытались узнать судьбу по картам таро, но не преуспели: все тайны остались неразгаданными. Кроме одной. Зара не без некоторого удивления призналась себе самой: ей свет не мил, когда рядом нет Саши. Что ж, любовь настагает и наложниц.

Как-то вечером, когда Тимофей пошел задать корму Орлику и Дождю, она спросила у Саши:

– Даша твоя, она какая?

Ей, действительно, было интересно. Саша задумался: не забыл ли он сам ее? Как рассказать о ней?

Тогда она спросила:

– Ты убьешь ее, если она будет неверна тебе? Или у вас тоже за прелюбодеяние побивают камнями?

– Да что ты! – испугался Саша. Он, вдруг, представил ее едущей в какой-то машине, рядом с ней на сиденье развалился красивый молодой мужчина...

Странное видение продержалось перед глазами секунду, даже меньше, и растворилось в зное пустыни.

Что это было? Игра воображения? Или там, где находится Даша, столь велика концентрация психической, эмоциональной, всех возможных энергий, что она невольно транслировала зрительные образы? Или что-то другое? Мир полон загадок, которые так никогда и не отгадают. И даже не попытаются.

И вот настал третий закат у моря. Саша стал собираться к баркасу, взял ятаган, взвесил его на руке – нет, не научены наши космонавты биться на ятаганах, да и смешновато выглядел боец с огромным изогнутым стальным лезвием. Но совсем без оружия Тимофей и Зара не захотели его отпустить.

Где по колено в воде, где вплавь, Саша в пять минут добрался до судна. Поднялся на борт, огляделся: нет, определенно он все это уже видел. И даже не единожды.

Последние лучи солнца добрались до палубы судна и тут же осветили неприметный квадратный люк, скорее даже лючок, рука только пролезет – и все. Что там может быть?

Саша осторожно открыл люк, и увидел большую красную кнопку и жестяную табличку на стене рядом. На табличке на знакомом до боли языке было накорябано: «Экстренный вызов всей группы, включая артманекенов».

Саша, не задумываясь, надавил на кнопку, и сразу услышал неясный шум, который быстро стал нарастать. Шум был стоголосый, такой бывает на массовых шествиях или митингах, где никто никого не слушает, никто никому не нужен, и только немногие понимают, что все равно на митинге ничего не скажешь. Выговариваться надо за кружкой пива с воблой, тогда остается надежда, что ты хотя бы сам себя расслышишь.

Саша уже различал отдельные слова, как ему показалось, в основном, ругательные, а обладателей столь зычных голосов пока не было видно. Наконец, поднимая песок, показалась странная колонна, в ее составе были и верблюды, и лошади, ревели двигатели каких-то чудных автомобилей, тягачи тащили нечто наподобие клеток. Саша напряг зрение и, несмотря на поднятый в небо песок,

сумел рассмотреть, что в клетках везут людей, опутанных не то проволокой, не то веревками.

«Этих врагов что ли напророчила нам Книга?» – подумал Саша. И неспешным шагом двинулся кромкой моря навстречу колонне. Он кое-как рассмотрел, что в голове колонны все время буксует в песке открытый желтый автомобильчик, и в нем сидит некто, которому безоговорочно подчиняется вся многоликая процессия.

Наконец, автомобильчик фыркнул и остановился шагах в десяти от Саши. Сюда же подтянулись Зара и Тимофей.

Саша стоял со своим ятаганом – чистый клоун.

Из автомобильчика выскочил подвижный человек в какой-то многоцветной хламиде, похожей на мешок, с отверстием для головы. В руках у него серебрился рупор мегафона.

Все прочие были одеты под стать ему. А люди в клетках были совершенно голые, но, судя по всему, их это нисколько не смущало.

Человек с мегафоном поднял руку и проревел:

– Люди среди вас есть?

– А кто же мы, если не люди? Что, это сразу не видно? – крикнул в ответ Тимофей, сжимая в руках копье.

Человек с мегафоном достал из кармана какой-то предмет и направил его на Тимофея.

– Ложись! – крикнул ему Саша и кинулся на хозяина мегафона.

Тимофей рухнул, как подкошенный, а Саша повалил крикуна.

– Руби ему голову! – закричала Зара, дитя своего времени. Саша довольствовался тем, что отобрал то, что принял за пистолет. Но это было больше похоже на телевизионный пульт.

– Что это? – хмуро спросил космонавт, уже понявший, что свой бросок он совершил напрасно, ничего не угрожало путникам. Во всяком случае, сейчас.

Хозяин мегафона почтительно ответил:

– Это мой личный прибор определения степени биологизации субъекта – ОСБ-2...

– Чего? – изумился космонавт. – Правильна ли моя догадка, что эта коробочка определяет сколько во мне человеческого, биологического и сколько всяких заменителей, то есть всякой механики?

– Да, – теперь послышалось изумление в голосе владельца мегафона, – разве у вас нет вмонтированных идентификационных чипов? Только недавно отмечали тысячелетие ОСБ...

– А вы кто? – спросил Саша, пропустив мимо ушей вопрос о вмонтированных чипах.

Тот, который с мегафоном, приосанился, гаркнул в микрофон: «Стоять внимательно, слушать!»

И продолжил:

– Уважаемые люди, земляне!

Саша подумал: «Откуда он знает, что мы местные? (Потом выяснится, что только у землян во всей галактике нет таких чипов, и наших земляков узнают как раз по их отсутствию)». «Нечего нас улучшать, доделывать, доизобретать», – пробурчал он.

Между тем, тот, что с мегафоном, развернул целую речь: «Нам выпала счастливая возможность увидеть настоящих, сто процентно биологических, людей! Давайте поприветствуем их, наших дорогих гостей!».

Присутствующие разразились бурной овацией.

«Вся съемочная группа знает: вы дали свое большое человеческое согласие на съемку в эпизодах нашего будущего шедевра, и каждый из нас склоняет голову перед благородством и смелостью чисто биологических людей! Каждый из них мог бы даже не отреагировать на мое предложение сняться в ничтожных эпизодах, но они приехали. Ура!!!».

И тут Саша вспомнил, где он все это уже видел.

– Так вы снимаете какой-нибудь ремейк «Белого солнца пустыни?», – спросил он у режиссера с мегафоном, а это, оказывается, был режиссер.

– Не какой-нибудь, а сотый ремейк, юбилейный!

И он принялся излагать историю кино. Оказывается, еще очень давно были разработаны артманекены, то есть роботы-актеры. Поначалу их предполагалось снимать в сценах, где актерам биологическим могло что-то угрожать, или там, где актеры просто-напросто не умели чего-то делать. Например, косить сено без того, чтобы не смахнуть отточенной, как бритва, косой пару пальцев на ногу, или по настоящему пылко (или хотя бы без гримасы омерзения) поцеловать женщину, скакать на коне – с седлом и без седла... Но постепенно выяснилось, что электронные копии актеров могут на съемочной площадке все то же, что актеры «живые», и даже много больше.

И буквально – быстро и необратимо – за какой-то десяток лет виртуальные киноартисты вытеснили людей на съемочных площадках, и будь ты хоть трижды «заслуженный» и дважды «народный» артист, но никто не хочет с тобой возиться, добывать персональный трейлер, выслушивать твое климактерическое нытье, изумляться вместе с тобой по поводу того, что ты не запомнил слова роли, которые все уместились на пачке сигарет. Конечно, всем искусственным организмам, к какому бы классу они не принадлежали – к механическим, виртуальным, электронно-плазменным, в том числе и артманекенам, делались специальные прививки почтения к людям стопроцентно биологическим, потому что поначалу, когда прививок этих еще не было, трудно было удержаться от смешка вслед какому-нибудь трагику, который, выпив дюжину пива, залакировав все портвешком, произносит, икая:

– Офелия, ик, о радость, ик, помяни мои грехи, ик, в своих молитвах, ик, нимфа!..

– А теперь все мы, практически бессмертные андройды, переполнены почтения к людям и охотно жертвуем собой вместо них... вместо вас, – поклонился режиссер. – В нашем тридцатом веке уже трудно обнаружить стопроцентно подлинного человека (у кого нога деревянная, кто давно вместо языка вживил громкоговоритель, а у кого за плечами крылья натуральные, турбулентные...). И вот уже кое-кто поговаривает, невзирая на рост «человеколюбивой» пени, что остатки людей уже давно смотались на Проксиму Воздушную и там на десяти планетах развернули «Мир без машин», живут припеваючи – сами пашут, сами сеют, сами тесто творят... Поэтому поймите правильно нашу радость, когда прибор показал, что перед нами настоящие люди...

– Так у вас вся съемочная группа – роботы? – наконец, понял космонавт.

– Да, уважаемый, – опять поклонился режиссер. – Мы давно заказывали на киностудии статистов из подлинных людей – для съемок крупных планов нужны живые глаза, мимика и всякие другие мелочи, которые пока лучше получаются у людей... И когда увидели вас, то посчитали за статистов...

– А кто эти голые? И почему они в клетке? – спросил Саша.

– Это как раз артманекены, и находятся они не в клетках, а энергетических хранилищах для подзарядки аккумуляторов. Для лучшей сохранности они содержатся без одежды. Так по инструкции... Сейчас наши костюмеры и визажисты займутся своим делом... Надеюсь, вас не смущают голые люди, ведь они все-таки манекены. Хотя высокоинтеллектуальные. Например, артманекен, который играет Петруху, пишет совсем неплохую музыку. В стиле регги. Сегодня снимаем важный эпизод – бой у цистерны...

– Уважаемый! И ваши уважаемые спутники! – режиссер не отставал от Саши. – Может, выручите нас и согласитесь сняться всего в одном эпизоде? Очень вас просим!

Саша взглянул на Зару, та кивнула головой: вот он бескровный бой, все идет по «путеводителю»!

– Мы согласны на съемку, – сказал Саша. Помолчал для солидности и добавил:

– Если потом вы позволите нам воспользоваться вашим временным термином... Он, надеюсь, находится в вашем распоряжении? Крионный?.. Нам в двадцатый – двадцать первый века надо попасть или поближе к ним?

У режиссера словно дыхание перехватило. Он кое-как выговорил:

– Вам разве неизвестно, что время кем-то остановлено... Мы безвылазно сидим здесь уже несколько месяцев, и нас только кормят завтраками... Нет, назад, в тридцатый век – пожалуйста – могу вас аварийной капсулой отправить, если вам срочно надо... А до двадцатого – никак...

Режиссер опять поклонился, сказал, как ложку бальзама в рот влил:

– Прошу переодеться! Через час начало съемок... Вам ничего делать не нужно, слов в вашей роли тоже нет. Мы снимем несколько крупных планов – наезды на глаза, улыбки, крупно руки...

– Все понятно, – сумрачно промолвил он и отправился на встречу с прекрасным. Через минуту к вагончику, в котором гримировались Саша и несколько почтительных артманекенов, притащили кучу непонятного снаряжения. Сверху лежал бронезилет.

– Для кого амуниция? – спросил космонавт.

– Надевайте, для вас.

– Недоумевая, он принялся укреплять на теле какие-то щитки, датчики, радиостанцию персональную... Но венцом облачения были шлем и щит, на которых перемигивались десятки светодиодов.

– Что это за маскарад? – спросил Саша.

– Это военная форма, в которой вы будете играть... Подлинные доспехи сарбаза двадцать третьего века. Это такой раритет... После выхода девяносто девятого ремейка в прокат, было много исторической критики, дескать, поспешили на показ вооружения той эпохи – где танки, где артиллерия, бронетранспортеры, ведь не с голыми руками шли в бой люди? Вот у меня в сценарии написано: «Люди Абдуллы открыли ураганный огонь...». Наши консультанты потрудились на сла-

ву, изучая оружие того времени и тщательно выбрали оружие, которое зритель увидит на экране. Мы нашли фотографию бронепоезда и восстановили его для съемок. Кроме того, в бой за баркас будет брошено пятьдесят танков, самоходных орудий... Зритель это любит... Девиз исторических кинематографистов не случайно гласит: «Достоверность, точность, соразмерность!».

Саша думал, что этот день никогда не кончится. К его удивлению, оказалось, что в новой картине у Абдуллы тридцать жен, практически не одетых. Саид в поисках Джавдета не преуспел и поэтому рассекал песчаное пространство на полноприводном «Volvo», не думая помогать Сухову. Приставал ко всем, чтобы не трогали Джавдета, так прошел слух, что не все прозрачно, чисто в их отношениях.

Сам Сухов по сотовому телефону позвонил своей пассии и сказал, что остается на Востоке еще на пару недель, и на самом деле герой позаботился о бедных женщинах, бесправных гаремных душах. Кого пристроил в кордебалет, кому помог заселиться в общагу швейной фабрики имени Клары Цеткин, а одной, кажется, Амине, купил однокомнатную и долгие годы приезжал в Астрахань, где осела потом Амина.

В общем, странное кино снимали наши далекие потомки. Саша поинтересовался, а почему раз за разом снимаются одни и те же фильмы?

– А как же иначе! – воскликнул пораженный режиссер. – Без малого тыщу лет наши кинодеятели бились за это. Все равно до Тарковского и Бондарчука не дотянешься. Поэтому сотни лет мы снимаем проверенные, популярные, нужные народу картины. Гарантированно кассовые. В списке утвержденных – сто высокохудожественных сценариев. Так что, есть где размахнуться творческой личности... Насколько я знаю, сейчас идет работа над «Клеопатрой», «Войной и миром», «Полетом над гнездом кукушки»...

Режиссер улыбнулся, он доволен выполненной работой, по его мнению, получается – ну, может, не шедевр, но очень крепкое кино, чего только стоит одна сцена погони за Абдуллой, когда красавица Гюльчатая на мощном квадрацикле несется по горным серпантинам за жестоким бывшим мужем!..

– Да, Александр, – сказал он в конце разговора, – как мне помнится, вы хотели воспользоваться нашим временным терминалом, мосфильмовским?

– Да! – насторожился Саша.

– Вам обязательно нужен мосфильмовский, крупновместительный терминал, или не побрезгуете тем, что попроще? У нас есть стандартный переносной комплекс «Луч-М», вы должны были видеть на баркасе красную кнопку – ее необходимо разбить, и под нею обнаружите управление терминалом; его мощности должно хватить вам троим до двадцатого века, ну, может, чуток не дотянете...

Саша порывисто обнял режиссера: домой!

Сборы были недолги, на всякий случай взяли с собой бурдюк воды, чуток харчей и несколько банок кизилового сока. Кое-как разместили в капсуле копы с ятаганом.

– Прощайте! – сказал Саша киношникам. – Хорошо тут у вас, и играете вы драму, как в жизни. Настоящие артисты! Не поминайте нас лихом!

«Что-то многовато выходит прощаний, – подумал Саша, – похоже, что все пространство души заполнено огромным количеством людей, с которыми должен распрощаться. И почему все так устроено? Как будто где-то идет война. На которую все время уходят дорогие люди, а с войны не возвращаются...».

Перед тем, как нажать кнопку, он еще спросил у режиссера:

– Что это за море, как называется, где находится?

– Ах, да, – улынулся режиссер, – многие обманываются, дело в том, что это море мы привезли с собой для съемок, не забыть бы его потом здесь...

– Пока! – успел крикнуть Саша, и тут же солнечный свет налился голубым мерцающим свечением, казалось, вот-вот и начнут полыхать ветвистые молнии; раздался негромкий хлопок и прозрачная капсула-яйцо как будто растворилась в воздухе. Не прошло и минуты, как капсула вернулась пустая. Добрались ли путники до места, или что-то сбило их с цели? Вернулись ли они к своим забытым очагам, или еще долго-долго шагать им – дорога к дому никогда не кончается?

Глава пятая: ВРАГ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Враг человеческий, которого звали Мизантроп, жил в старом, давно высохшем колодце. Если заглянешь в колодец сверху, то ровным счетом ничего не увидишь – темнота, осклизлые бетонные стены, даже если посветишь вниз фонариком, то опять вряд ли хоть что-то удастся рассмотреть. А вот если спустишься в шахту колодца на веревке, то, коли повезет (не приведи Господь такого везения!), разглядишь узкий лаз в стене, который, ежели не заробеешь, приведет тебя к массивной чугунной двери...

Если дошел до этого места, не испугался миллиона летучих мышей, кишачих в подземном лазе, осеняй себя крестным знамением и открывай дверь.

За дверью – обширный зал – гулкий и мрачный. Его освещают несколько факелов; на стенах колеблющиеся черные тени: так и кажется, что это огромные щупальца невидимых страшилищ. Первое, что бросалось в глаза в этом необъятном пространстве, – чудовищных размеров дверь, окованная листовой бронзой, закопченной факелами, сальными свечами, видать, не за один век. Верхняя часть двери терялась где-то в черной высоте, и, задрав голову, посмотрев на нее – что это за дверь такая невиданная? – начинаешь задыхаться от ужаса: кто ходит через эту гигантскую дверь? Впрочем, тут же и ответ на вопрос – на двери вкривь-вкось прилеплена табличка – целый транспарант – и на нем фломастером написано. «Йохарный Бабай», а в скобках обозначено «Ёхарный Бабай», что, понимай, одно и то же. Может быть, он, этот Бабай, был последним титаном на земле и обитал за гигантской дверью, прячась от того, кто сильнее его, и только он один мог открыть этот притвор, в котором весу было полторы тысячи пудов, а может, Ёхарный Бабай, имячко это заковыристое, было его творческим псевдонимом, а на самом деле..., на самом деле... Нет, не станем и мы называть его имени или имен.

Если страх не совсем сковал любознательного смельчака, решившегося спуститься в страшный колодец, то он сумеет рассмотреть, что в колоссальной двери врезана дверь крошечная, – для обычного человека – и выглядит она, как дверка для котенка, хотя еще неизвестно, за какой из дверей страшнее.

У этой кошачьей (ох, кошачьей ли?) дверки, у черной засаленной стены стоит небольшой письменный стол. Даже столик. На нем уместились старая пишущая машинка, купленная на барахолке (и здесь бюджет был скуден), да настольная лампа – грибок. В это время обычно враг человеческий сидел за столом и писал очередную свою книгу. Пишущая машинка трещала исправно, и примерно каж-

дые пятьдесят шесть дней выходил роман, на повесть требовалось менее двух недель.

Время от времени враг человеческий бросал машинку, подходил к маленькой дверке, брался за ручку, даже поворачивал ее (вот, сейчас щелкнет замок и дверь распахнется, и враг человеческий предстанет перед последним титаном), но враг человеческий еще ни разу не решился зайти к Бабаю – поэтому никогда не видел его, и возвращался за пишущую машинку, и продолжал: «... Он поднял пистолет а это, конечно, был кольт тридцать восьмого калибра, любимая машинка Салли. Джонни замер на месте.

– Неужели ты выстрелишь? – он даже охрип от страха.

– Нет, – ответил Салли и нажал на курок. С душераздирающим криком, обливаясь кровью, Джонни повалился на землю.

– Разве это выстрел? – улыбнулся Салли, вот если бы вас было хотя бы трое?..»

Мизантроп ненавидел литературу и давно просил (по телефону, заваливая начальство письменными прошениями) перевести его на другую работу; письма у него получались слезливые, скучные, в них он уверял, что сумеет быть более полезным общему делу, например, если возглавит департамент рекламы или Управление разбитых сердец. Но по-прежнему «разбитыми сердцами» заведовал ретроград Шульц, который только и умел организовывать аресты и даже расстрелы в день свадьбы. Измены, предательства, побеги из-под венца у него тоже получались, как и разорение женихов накануне бракосочетаний, воспитание семисобачьих характеров у тещ и свекров...

Враг человеческий мог бы добавить в этот арсенал идеологическую составляющую – грязные сплетни, клеветнические письма, публикация статей без единого слова правды и еще много эффективных приемов. Не сказать, что эти приемы не применяются, но как-то без огонька, без былого задора... Здорово получилось с письмом в метельном Петербурге, этот пример давно стал хрестоматийным... А слог там какой, чистая поэзия: «Кавалеры первой степени, командоры и кавалеры светлейшего ордена рогоносцев, собравшись в Великом Капитуле под председательством достопочтенного великого магистра ордена, его превосходительства Д.Л.Нарышкина, единогласно избрали...». И подпись, подпись какая, не дающая усомниться в подлинности письма: «Непременный секретарь граф И.Борх».

***Примечание автора.** Его сиятельство Дмитрий Львович Нарышкин был знаменитым рогоносцем. Его супруга Марья Антоновна была в долголетней связи с императором Александром I. Дмитрий Львович так уважал императора, что не спал со своей женой.*

И. Борх – был известен в Петербурге своей нетрадиционной сексуальной ориентацией. Говорят, что жена ему изменяла налево и направо. А что ей, бедняжке, еще оставалось?

Словом, враг человеческий много раз пытался избавиться от постылой работы, но ему всякий раз давали понять, что он как раз на своем месте, а то, что ненавидит литературу, так это только добавляет его произведениям огня. И это заметно: если в первой своей книжке для молодежи на трехстах страницах он

«убил» троих героев, то сейчас он работал над грандиозной эпопеей, на страницах которой найдут свои могилы около миллиона человек. Конечно, врагу человеческому присущ размах, но сколько он не бьется, никак не осилит крошечной, казалось бы, проблемы: он просит, чтобы его называли Врагом человеческим – с заглавной буквы, но каждый раз ему приходит официальный отказ: «Уважаемый враг человеческий! Начертание ваших имени, фамилии, псевдонима остается без изменения. Поздравляем с этим радостным для вас событием».

Собачья работа, настоящая каторга, – так называл свое писательское призвание враг человеческий. Конечно, он гордился своим лаконичным, острым, почти ремарковским языком, и сюжеты у него как-то сами по себе выходили занимательные, но его тянуло на крупные остросоциальные темы.

Мальчишки и девчонки нарасхват разбирали его книжки. Наиболее интересными в его творчестве получились романы, которые будто бы написала женщина – он придумал звучный псевдоним – Литта Блажь, но ему позвонили сверху: блажь мгновенно в нашем сознании превратилась в бранное слово (вот ведь какой язык, все звучное оборачивается бранью), и читатель не узнал откровений Блажи. Тогда взяли первое, что подвернулось под руку, и она (он) стала Литта Тендер. Думали, никто и не заметит новую писательницу, но ошиблись. Наивное, незатейливое, полуграмотное письмо ее проросло где-то между порнографией и наивными девичьими историями, и внезапно понравилось публике. Да плюс реклама, да плюс таинственная сочинительница (говорят, она неземной красоты, но слепая), да плюс иллюстрации с мужественными, мускулистыми героями, всегда побеждающими тех, кого нужно побеждать, – и вот, книги Литты стали продаваться миллионами экземпляров.

– Молодец! – хвалили врага человеческого наверху. – Против твоих романов не устоит ни Достоевский, ни Толстой... Ты вполне заслуживаешь ордена «Разрушитель» третьей степени с мечами.

Хвалили, грозилась наградить, но в итоге он получил нагрудный знак «Старание и повиновение».

Он был одинок. Очень одинок. Девушки его терпеть не могли, а мужики, случалось, спускали на него собак. Конечно, он не оставлял эти дерзости без ответа: девушки, отказавшие ему, оставались бесприданницами, мужики, травившие его псами, попадали на реке в водовороты, но от этого легче не становилось на душе, не девалось никуда ледяное одиночество.

Забвение он черпал все в той же работе. Вспомнился вчерашний разговор с одним молодым честолюбцем – куэнзимом. Он был талантлив, горяч, но не рассчитал своих сил и влюбился в простую, вполне земную женщину. Ну, да, в Дашу, ну да, в человеческом облике его звали Борисом Ивановичем. А ведь куэнзим этот как раз и был на острие сашидашиной проблемы, и теперь ему самому требовалась помощь. Мизантроп долго беседовал с Борисом Ивановичем, ведь Ёхарный Бабай прогромыхал по телефону однозначное: «На переплавку!», но враг человеческий осмелился, вставил словечко, спас разведчика: «Может, так оно и лучше будет, закрутят любовь, и позабудет она про своего космонавта?».

Йохарный Бабай на минуту задумался, и враг человеческий за эту минуту десять раз прощался с жизнью. Вот сейчас грянет беспощадное «На переплавку!» – и потащат его по коридору к печи дюжие барсуки из секретной службы. Но на этот раз пронесло. Бабай буркнул «Под твою ответственность!» – и бросил трубку.

Примечание автора. Куэнзим – враждебный человечеству разведчик из глубокого космоса. Из Темных миров. Беспощаден, отважен, бескорыстен. Может принимать любой облик. Хорошо известна одна из его отличительных черт: он всегда может находиться за плечом человека. Цель Темных миров – истребить всех гуманоидов Вселенной. Причем, уничтожая целые города, страны, а иногда и беспечные планеты целиком, они идут на смерть первыми. Считается высокой честью получить задание на осуществление так называемого «Вывода», поэтому принято было ликовать по этому поводу, хохотать, пить вино, радостно составлять завещание.

– Что теперь мне делать? – вопрошал неопытный разведчик. – Не я ее, а она меня погубит!

Он был прав, ухо нужно всегда держать остро, а в нынешние времена особенно...

Еще никто не забыл печальную судьбу предыдущего отважного галактического шпиона, но игра продолжалась.

«Не бой, так битва будет за нами!», – любил повторять враг человеческий.

Вчерашний честолюбец, посланец иных миров, Борис Иванович, не скрывал своих опасений: хотя куэнзимам удалось за последние годы покорить и уничтожить еще дюжину галактик, одноглазые и одноногие воины сумерек не торопились праздновать победу. Земля пока держалась. А на Земле искали друг друга Саша и Даша. Вдруг, именно у них получится запустить давно остановившееся время? Более того, куэнзимовские мудрецы, а они считались самыми мудрыми в галактике, вывели неутешительный для куэнзимов мудризм: «Как только Саша и Даша встретятся, оживет отдохнувшее время, все на свете займет свои места: и Темучин станет похожим на великого хана, а не на артиста из художественной самодеятельности, и Враг человеческий получит заглавную букву к своему имени, и Великая Рать, наконец, встанет на большой привал; отступит Хаос – великий разрушитель смысла жизни, и великий его создатель»...

«Не допустить встречи Даши и Саши! – это, конечно, только локальная задача, – говорил враг человеческий молодому куэнзиму. – Хорошо бы добиться, чтобы все со всеми распрощались навсегда... Массовое одиночество, бесконечные расставания и никаких встреч. Запрет на секс, строжайший запрет на любовь, вплоть до расстрелов за поцелуи, четвертований – за любовные письма. Пока человечество обнимается – оно спасено, – нужно всегда помнить об этом... И убивать любовь беспощадно, где бы ни встретилась она!»

Глава шестая: ПОБЕГ

И все-таки Зайнушка дал тягу. Год всего прожил у Стахея и весь год волчком смотрел. Взяли его у самого Лебедка без оружия, без запаса, куда шел? От кого сбежал, или от обоза отстал? Кажется, Зайнушку от кого-то в степи прятали, а от кого, он сам не знал. А, может, он ханский сын?.. А, может, просто бездомный мальчишка, сирота казанская; кто только не мотался по степи – или прятался, или искал – все в памяти перемешались...

За ним глаз специальных не держали – куда утечет татарчонок? До Казанки – ден пять пути. А до Казани и того дальше. К Сарайчику придется идти через станицы и казачьи форпосты – быстро приметят беглеца. А он по-русски не бельмеса. Он и по-татарски, кажись, не сильно понимал.

Такому только бежать. Да и зачем бежать, если ему, бестолочи, растолковали: к Пасхе подводы пойдут на Казанку, тогда, может, и отпустят его с миром. Беды он не сделал. Да и лета больно уж молодые. Но спрашивается, откуда ты такой взялся подле Лебедка? Шпионил? А чего там шпионить. Поселок в две улицы. Да и вряд ли такую соплю пошлют на серьезное дело, да еще одного? Хотя, чего не бывает на этих желтых, будто золотых, ярах?

Зайнушку сорок раз выпрашивали: чей он и откуда? Но он толком ничего не мог сказать, а, может, и сам не знал. Кое-как объяснял казакам, что девять лет назад его выкрали из дома, выкуп хотели большой, да просчитались. Было ему тогда три года, наверное, теперь двенадцать.

Когда казаки нашли его, одет был справно, в длинный кафтан русского кроя, из доброго сукна; за поясом кинжал в богатых ножнах; на ножнах камешки зеленые, красные и желтые. Но сам кинжал – дрянной, будто игрушечный, им только талы резать, да и то – уморишься.

Поставили его к Стахею, через то, что один казак живет, без жены, значит, ну, еще сестра Грунька. На сносях сучка, от кого – не признается, всю вожду Стахей оббил об нее, а та только ржет, чахня икряна.

И вот рванул от Стахея, не стерпела больше татарская душа, столько лет по чужим углам ютился – пока дитем был – терпел, но вот терпелка кончилась, вышла вся. Такая судьба у пленного – терпеть и убежать, пока не убьют. Бывшим его хозяевам и убить его было жалко, и кормить накладно. Он привык засыпать с чувством, что именно этой ночью его зарежут. За эти годы в каких только аулах его не прятали, то о нем как будто забывали, то привозили чистую рубаху – вроде дают за него выкуп, да в конце-концов не дали. В общем, не того украли. И он понял, что теперь за ним даже не погонится никто.

Примерно за год до этого последнего побега он попал на подворье Стахея. Лют был Стахей. Но справедлив. И прижимист. Хотя с чего щедрым быть, жопа гола. Да и питух он гораздый. И табашник.

Ноги у Зайнушки быстрые – полетели из-под босых ступней крапивы, полыни, овраги, озерца, речушки – захлебываясь соплями и встречными ветрами, мчался он, лопухая узкоглазая морда, наискосок от захода солнца – туда, где на берегу реки, не желтого Яика, который, словно вырвался из-под песков на Бухарской стороне и прихватил оттуда желтую муть, – совсем там другая река – великая татарская река Итиль, и вот там на самом-самом бережку качала его бабушка Фатима на ноге, обутой в черный тонкий ичиг, сидя на низенькой скамеечке и напевая что-то сладкое и щемящее в груди.

Почти ничего не помнит он о том, что было на той реке, где жил и, наверное, родился, а вот бабушку Фатиму и ее песню на почти непонятном ему языке он помнит. И никогда не забудет.

Украли его, когда ему было всего ничего, и отвезли в Нарын-пески, там жил он в юрте под присмотром двух хмурых джигитов, говорили, что они из рода Адай, а люди из этого рода ничего не боятся, самого белого царя не почитают. Шутки с ними плохи.

Зайнушку не били, но кормили так, чтобы только не подох с голода.

– У-у-у-у! Тохтамышевское отродье! – слышал он иногда себе вслед. – Одежда на нем какая! А кинжал! Камни-то на рукоятке словно огонь полыхают. Только еду на него зря переводим, что-то не торопятся за него выкуп давать! И куда смотрели, когда мешок ему на голову надевали? Там этих тохтамышевских внуков насыпано, как таро...

Примечание автора: Таро – кушанье из обжаренного проса.

Все лето, осень и ползимы прожил Зайнуш в Нарын-песках, а потом больше трех месяцев в одном ауле не жил. По имени его никто не звал, только «эй, косоглазый», или просто «эй». Лет с пяти мечтал сбежать (и сбегал, ловили, он снова сбегал – и так все последние годы), в карманах всегда был запас хлебных крошек – на тот случай, если это произойдет случайно.

Так и вышло. Везли его куда-то, кажется, к Каспию, а навстречу разезд.

– В телегу, на дно под солому, скоро, скоро! – зашипел возница. – Запомни, хворый ты, зараза у тебя... Запомни, а то уши отрежу!

Разезд подлетел, кони у джигитов свежие, кормленные, на месте не стоят.

Говорили по-татарски, Зайнушка только понял, что всадники какое-то время будут попутчиками, и решил: вот он шанс, которого может больше и не быть. Спросили они и про Зайнушку, дескать, что за малец в телеге? Возница соврал про хворь, а джигиты не стали проверять. Он улучил минуту, когда всадники не смотрели в сторону телеги, и выскользнул на дорогу, бросился в талы. Ни возница, ни джигиты ничего не заметили: лежит хворый под соломой, и пусть себе лежит, хлопот не доставляет.

Дорога шла вдоль Яика, по над яром, Зайнушка заглядывал с двадцатиметровой высоты в кипящую внизу воду, и у него дух захватывало от этой красоты, но тут же он думал, что на крошках он продержится пару дней, а вот где ночи коротать – он ничего придумать не мог. Он слышал, что здесь полно диких зверей. И медведь может заломать, и кошка с кисточками на ушах, бывает, кидается на человека, а волков здесь вообще больше, чем собак. Зайнушка не то, чтобы жалел, что дал деру в полную неизвестность; просто опасался пропасть в этих едва обжитых местах, где испокон веков человек приравнен к песчинке.

Быстро выбился из сил Зайнушка, какая сила с хлебных крошек? Огляделся – нашел с пригоршню ежевики, кислой, мелкой – зелена еще. Время такое – терн только завязался, ежевике еще набираться и набираться лесного аромата, ну, а грузди тоже не подошли, да и не очень годятся они на варево, с самой старины повелось – грузди на засолку идут... Так что, нечем подкрепиться беглецу. Он знал, что в Яике рыбы больше, чем воды, но как поймать ее?

Солнце летом долго по небу гуляет, но Зайнушка так устал, так набегался, что увидев копенку сена, бросился к ней, упал, как подкошенный, на душистое – до головокружения – сено, на минуту забыл обо всем на свете. А не след ему было терять голову, она и так у каждого в этих порубежных краях на плечах держится не ахти как прочно.

Долго ли он спал – до самого утра или до света еще проснулся, чтобы дальше идти (куда?), теперь не припомнит, но проснулся он от конского ржания и басыстого смеха:

– Мотри, Стахей, как казак умаялся, – произнес с хохотком владелец баса. – Я его издаля приметил, сначала подумал, уж не искаженный ли какой лежит, а потом гляжу – он храпит, индаль земля под ним трясется... Вылезай, добры люди уж жарины поели, а ты все валяешься... Да, мотри, не балуй, оружие свою на земле оставь!

Зайнушка выбрался из-под сена, хмурый, помятый, голодный. Два казака, заросшие черными бородами, спешившись, смотрели на него с любопытством.

– Шабер, никак татарчонок! – сказал один, басистый. – Кинжал, мотри, у него с камнями...

– Как он сюды попал, морда узкоглазая? Может, выведать чего послан? – спросил Стахей, но сам же отмахнулся от такого предположения – уж больно худ был, прямо щека щеку ест, да и годами не вышел.

– Ты чей? – спросил Стахей. Зайнушка пожал плечами. Не понимал он по-русски. По-татарски тоже – едва-едва. Никто его, пленного, языкам не учил. Рахмет, что не зарезали...

– Тащим его в поселок, там пусть разбираются! – решили казаки.

Один из них спросил:

– Исть будешь? Мы лопушков наловили, жарина вышла – чистый каймак. Ты, чать, такой ествы сроду не едывал? Выбрасывать жалко. Поешь, до Лебедка недалече, да доброму коню чуть не полдня...

Так попал Зайнушка к Стахею.

С первого дня их жизни под одной крышей Стахей невзлюбил татарчонка. Да он бы любого невзлюбил, за то, что пришлось чуток потесниться. Прижимист был казак. Да и характер имел, как у некормленной собаки.

Почти год Зайнуш обдумывал, как сбежать от злого казака, но ничего не получалось.

Но вот, случай выпал. На этот раз у него ни крошки в кармане, а кусок балыка, кулек любимых им баурсаков... Не забыл и отточенную железную полоску – нож. А кинжал свой хлипкий оставил в избе Стахея.

Вечор еще Стахей заметил, как татарчонок схватил кусок недовяленного балыка. За это целый день не давал никакою жратвы. Подпускал только к кадке с теплой и мутной яикской водой и норовил шибануть, чем под руку попадет.

Балыки готовил к торгу, ладил телегу в городок ехать; там хмельного зелья наглотаться, песни погорланить, подраться – вот и весь интерес Стахея. Плохой был казак, смурной, да и знакомство водил с такими же, как сам. Но повезло им – на багренье рыба перла, как сумасшедшая – и свежей осетринкой побаловались, и в тузлук положили, а уж воблы по весне – икряной, жирной, как янтарь прозрачной – повесили – тьму! По вечерам девки и бабы вместо семечек шелушили жирную, чуть-чуть соленую – пальчики облизывали – чехонь, воблу, чебака. Но бес к дурному двору липнет – воблу у Стахея червь стал грызть, балыки тоже не задались: столько добра в землю пришлось закопать! Да тут еще Зайнушка кус спер, сучонок татарский, лисенок желтоглазый! Пропить его что ли в городке?

Вечор Стахей горло драл на Груньку, все допытывался, через кого брюхата. Грунька молчала, как белуга.

– Страм! – орал казак, а сестра даже ухом не вела.

А Зайнушке Стахей кулак показал, дескать, пропью тебя или на новый хомут поменяю – хоть какая польза будет.

И в сторону сестры:

– Все одно узнаю брюхательщика и убью беспрременно! Страм! На весь Яик опозорила!

Лют, ох и лют был Стахей. Только никто не боялся, окромя, может, Зайнушки. Казак пообещал татарчонку:

– Тронешь молоко али сливки – убью!

И тогда Зайнушка решил: или сегодня, или никогда!

Едва Стахей скрылся с глаз, Зайнушка соскользнул в погреб.

«Уж лучше убиту быть, чем голодну!» И опростав целую кубатку сливок уснул.

Проснулся от того, что заоченел в погребке, руки да ноги – чисто ледышки. И собирался уже выбираться, как услышал чьи-то шаги – совсем рядом. Он узнал тяжелую поступь беременной девки. И чего она ночами бродит? Заметался в темной ЗЕМЛЯной яме, ну, крикнет сейчас Стахея.

– Ты чего, татарва поганая, блудишь? – закричала сверху Грунька. – Нет на тя напасти! Два дня коня не поил, вечер рыбу упер, такось весь род разоришь! Давай, вылазий, светат, кажись...

И Зайнушка решил. Он вылетел из погреба, как будто его выбросили оттуда – бежать, бежать, бежать! В темноте налетел на Груньку, и та от неожиданности кубарем скатилась в погреб, заухала там, как филин. Смешно и страшно, кажись, попала она в кадку с прокисшим, прошлогодним тузлуком. Может, так-то оно и лучше?

...Все медленнее и медленнее движется под ногами степь. Зайнушка упал в низкую колючую траву, смахнул пот со лба, провел шершавым языком по сухим губам – не подохнуть бы без воды! После балыка захотелось пить, но как назло даже лужи перестали попадаться.

Ноги отяжелели, он уже не бежал, а едва трусил. Присел бы куда-нибудь под талы, а лучше бы – прилег, дух перевел, но надо бежать, сидя свободы не добудешь.

Но, видать, непростая дорога выпала ему. Вырвался откуда-то из-за недалекого бархана конский топот и прямо перед Зайнушкой осадили серых мохнатых коней два всадника в островерхих шапках, на боку у каждого висело по кривой сабле, упирались в стремяна дrevки коротких пик. Оба всадника не то смеялись, не то шурились.

Один из них тяжело вывалился из седла, больно схватил беглеца за худое плечо, быстро и непонятно заговорил. Из всей его речи Зайнушка понял несколько слов: «якши», – значит, хорошо, «урус» – русский, «сыр-бала» – желтый мальчик.

– Яман, яман! – потерял вдруг терпение оставшийся на коне и вытащил из ножен сверкнувшую на солнце саблю.

– Погодь, погодь! – закричал Зайнушка. – Я – не казак! Ек казак! Мен татар... Меня казаки в степи нашли... Я вот такой тогда был – ни говорить, ни ходить не умел. Мен татар...

Всадник, видимо, понял, опустил саблю и вдруг спросил по-русски:

– Эй ты, казак на вышке торчит?

– Торчит, торчит, – быстро сообразил Зайнушка. – Вчера песни пели допоздна – из городка шесть подвод пришли, а сегодня собирались назад...

– Якши, якши! – приговаривал всадник, слушая татарчонка. – Будем живот резать, башка рубить!..

Зайнушка торопливо, еще не совсем понимая для чего, рассказал с какой стороны казачьи курени стоят ближе к степи, где у берега Яика будары привязаны, где казаки хранят пороховое снаряжение – чем откровеннее становился его язык, тем холоднее ныло в груди. Вот, а все думали, что он «ни бельмеса»; жить захочешь – и говорить научишься!

Вдруг он понял, что впервые в жизни боится не только за себя. Ему, сто раз битому, редко евшему досыта, вдруг до слез стало жалко и Груньку, и даже – кто бы мог подумать – Стахея, всех-всех, ведь, поди, зарежут... Но смолчать он уже не мог – и ледяной страх, и злое мальчишеское сиротство как будто подстегивали его.

Один из всадников пронзительно свистнул, и тут же из-за бархана вылетел черный рой всадников. Они подлетели, закружили, загалдели, зацокали языками. Зайнушка понял, что так они подбадривали себя: здесь в казачьей степи уже не было былого приволья для наследников развалившейся Золотой Орды. Еще налетали ногайские отряды, еще лилась кровь, еще тащили за собой ордынцы понурых пленников, но уже поговаривали в степи, что жизнь сворачивает с былого своего пути, другая сила растет в степи, и ничего с этим не поделаешь!.. Эх, был бы жив Темучин!..

Всадники все кружились и кричали, поднимая копытами своих коней желтую пыль, и вместе с этой въедливой пылью поднималась в Зайнушке непонятная злость – и на этих всадников, и на казаков, прилепившихся своими избами к реке, – на всех тех, кто пришел в эти степи неведомо из каких далей – из Рязани, Москвы, а, может, и самого Киева, и осел здесь, вольно или невольно раздвигая границы Московии. Темное, дикое, страшное вырывалось откуда-то из неведомых глубин зайнушкиной души, оглушало его, раздувало ему ноздри. Может, в крови у него была эта злость, впитанная с молоком матери – неизвестно. А может, Зайнушку и далеких его предков, лавой пронесшихся по Руси, жгла и не давала покоя тревожная тяга к кровавым набегам, дымным кострам, разгоряченным коням?.. Наверное, во всем виновата память, в которой была широкая река, на берегу которой давным-давно качала его на своей ноге бабушка Фатима?

И вот, нервы запели, как тетива, и эта конная круговерть вытянулась почти в прямую линию, и эта линия, как стрела, понеслась к поселку.

– Возьмите, возьмите меня с собой! – закричал, подчиняясь порыву, Зайнушка, и, кто-то очень сильный подхватил его, и вот он уже на коне, позади джигита, мчащегося рядом с предводителем отряда.

Вперед, вперед!

Неспокойное, сторожевое время! В любой час могла налететь беда и без разбора бросить под кривые мечи – и седобородого дедыньку, и казака в расцвете сил, и молодую уралку... Врагов в степи, казавшейся пустой и безлюдной, было немало. Все могло быть порубано, сожжено, затоптано, – все, что строилось и собиралось, сбивалось годами, было любимо и воспето в тягучих песнях – в одночасье становилось прахом... Поэтому ставили мазанки, в ход шли плетни, глина, – вся жизнь становилась походной...

Недремлющее степное время!.. Набеги... Человек на человека... Без особой ненависти: или ты, или тебя...

Зайнушка почувствовал, как от яростного и злого нетерпения подобрался, напряжился воин, сидящий впереди, когда показалась сторожевая вышка и неровный ряд приземистых казачьих жилищ.

Взвизгнула меткая стрела и рухнул на деревянный настил совсем чуть-чуть задремавший казак. Вторая стрела, с пылающим пучком сухой травы, подожгла шаткое строение – пусть горит, пусть глядят издалека, пусть страшатся!

Где-то звякнуло тревожное железо, но быстро смолкло, забрехали и завыли собаки, чужая кровь и смерть – черные всадники ворвались в ограду – и завязалась отчаянная, беспорядочная драка. Зайнушка почти ничего не успевал разглядеть, да и не старался – так было страшно все вокруг. Вот выскочил во двор в чем мать родила дядька Иван – из бани – нашел время грязь смывать – и тут же достала его сабля – отскочила к плетню иванова голова, а сам Иван сделал еще два шага и рухнул, дрыгнув ногами, затих навсегда. И вот уже потянуло дымком, кое-где из-под крыш вырвались красные жаркие петухи, рванули, затрещали – пошел плясать самый горячий на свете танцор.

Крики. Лязг сабель. Грохот новомодных мушкетов (бестолковое, тяжелое оружие, у казаков, кажись, не приживется; казак берет отвагой, скоростью; когда ему в бою заряжать этот грохопал?).

И в момент самого страшного шума – вдруг, все стихло.

Все остановилось, все кончилось. Кто убит, кто связан, кто думает: «Уж лучше бы убили сразу...».

Воины дали отдохнуть коням, вытерли потные лбы, напились воды, закричали, зацокали – якши! – невелика добыча, но что возьмешь с голи? Но, конечно, приятно, что справились, одолели.

А предводитель черного отряда задумался. Вот ведь казаки нынче как живут, опаску потеряли, не боятся степи... Женщин своих оставили почти без охраны... Неужели степь слабеет?

Зайнуш один сидел на крупе коня, ошалело смотрел на догорающие дома, на обезглавленный труп Ивана, на разгоряченные, довольные лица степняков.

Связанные одной веревкой бабы и девки, оглушенные и поникшие, сидели на траве около уцелевшей от огня большой избы, потихоньку скулили, громко скулить не велел вожак отряда, крикнув: «Будешь выть, башка секир пойдет!»

Зайнушка словно одервенел от ужаса: да, да, именно с его помощью совершенно страшно, кровавое дело.

Куда-то испарилась неведомо откуда взявшаяся злоба. Даже страха уже не было – остались только тоскливое сожаление (эх, кабы можно вернуть?) и боль, разлитая во всем теле. И он вдруг подумал, что боль эта и тоска поселились в нем навсегда.

– Эй, сарбаз, мясо есть будем! – крикнул ему джигит, взявший его к себе на коня. – Якши бала, хороший! Иди, мясо дам!

Зайнушка спрыгнул с коня и подошел к костру, который запылал сразу после схватки – джигитам не терпелось отведать свежей баранины. В казане булькало мутное варево, в огонь летели брызги из котла; в жарком пламени догорали обломки плетней, разбитая деревянная утварь, а казалось – обломки прежней жизни.

Джигит, позвавший Зайнушку к костру, кинул ему горячую кость с куском мяса на ней, вытер руки об штаны и хлопнул татарчонка ладонью по спине, да так, что тот едва не упал:

– Меня все знают – я – Зайнуш – наш род от Тохтамышша.

– И я – Зайнуш, – сказал татарчонок. Все у костра воззрились на него.

Джигит опять вытер руки об лоснящиеся штаны, и лицо его налилось важностью.

– Не бреш! – сказал он и отвернулся от тетки, видимо, не допуская возможности существования еще хотя бы одного Зайнуша. Все самое ценное сырье Все-вышний, создавая людей, истратил на него, а что там осталось на Зайнушку?

Зайнушка молча жевал мясо, не чувствуя, что оно обжигает ему губы, и почему-то все время повторял про себя имя русского бога:

– Господи Иисусе, Господи...

Стали собираться в путь. Зайнушке его щедрый покровитель подвел буро-го конька:

– Садись, твой будет!

Воины вокруг зацокали: какой джигит без коня?

В одну минуту отряд снялся с места и погнал впереди себя добычу – скот и баб. Мешкать больше было нельзя, у казаков кони резвые, расправа короткая и лютая.

Ночь застала отряд, отягощенный добычей, далеко от Яика. Запылали костры, заметные далеко в степи; видимо, джигиты погони уже не опасались. Оплочали казаки.

...Грунька была еле жива: в один день столько горя! Удаться бы! Грунька уткнулась лицом в колючую сухую траву и тягуче завывала. Но негромко, для себя одной завывала, потому что помнила угрозу джигита делать «секир башка» за крики и причитания. Но как не повить пленнице, ведь в этих краях не сразу разберешь – поет человек или воет. Соленые слезы текли по пыльным щекам, нисколько не утешая, нагоняя на сердце черную горечь И отчаянье.

И вдруг она увидела Зайнушку, татарчонка, столкнувшего ее утром в кадку с рассолом. Гадина! На татарском коне крутится. Чтоб ему пусто было!..

И чтобы ему сдохнуть и не похоронену быть! Чтоб в геенне огненной корчиться!

Все эти страшные картины проходили перед ее мысленным взором, она верила: все, что она желает татарчонку, обязательно сбудется. Понемногу утихая, не смиряясь, но успокаивая себя и того, кто был у нее под сердцем – жить-то надо, спасать дите, она сквозь навалившийся сон вдруг проговорила странное проклятие: «...Чтоб тебе дожить до дней, когда вместо жаворонков прилетят железные птицы, чтоб в страхе ты засыпал, чтоб в ужасе ты просыпался!..». Она с недоумением прислушалась к своим словам: откуда они взялись в ней? Она даже ущипнула себя за руку: да нет, с ума не сошла. И она продолжила: «...чтобы место твое было между небом и землей! Пусть свершится!..».

И, наверное, так отчаянно она кричала, столько страсти и ненависти вкладывала в слова, что тот, кто всегда за плечом у человека, услышал ее. Польшнула во весь горизонт зарница, высоко над головами как будто кто-то разорвал огромное полотнище – жуткий треск оглушил на минуту ночевщиков, и захлопали, удаляясь, огромные, но невидимые крылья.

Ночь выдалась страшной, черной и какой-то гулкой. Было слышно, как далеко-далеко воют волки – над загубленными душами, ворчала близкая уже гроза, и совсем тускло мерцали звезды, или, может, так казалось через заплаканные глаза.

Воровская ночь, жуткая. Даже дозорные не дремали – лихом, ужасом тянуло из степи.

И вдруг Грунька услышала, что ее кто-то зовет:

– Грунь, а, Грунь!

– Чего нада, чего? – встрепенулась она.

– Это я, Зайнушка...

– А-а-а-а, гадина татарска, кровопивец, чего ты туты ползаешь!

– Тише ты, дура! Щас развяжу тебя...

Она не поняла его, опять сбилась на проклятия.

– Чего удумал, а? Чего удумал! – горячим шепотом зачастила Грунька. – Ить ты еще сопля зеленая, счас шумну... Не видел что ли – на сносях я... даже татары не тронули...

– Ты что, дура! Отпустить тебя хочю, пропадешь!

– Отпустить, гришь? А куда, куда я в таку темь? Догонят! А догонят – беспрерменно убьют!

– Остаешься? – спросил с напором Зайнушка. – Поташат тебя в Сарай?..

– Я с тобой... Убьют! Господи Иисусе!

– А, может, и нет!

Ужом – бесшумно и быстро – пополз татарчонок по мраку, разлитому на земле – только один раз всхрапнул стреноженный неподалеку конь – дозорные повернули в его сторону головы, пощурились, но ничего опасного не обнаружили, только раз будто звякнуло где-то стремя – отряд охватился было за мечи, но быстро все успокоилось. Зайнушка решительно делал свое дело – резал сыромятину подпруг, полосовал сбрую темно мерцающим ножом, украденным у большого Зайнуша. Как будто татарчонок всю жизнь занимался именно этим. Он и сам удивлялся своей ловкости.

Грунька ждала, затаив дыхание. Боязно было до дрожи – у девки зуб на зуб не попадал, но неволя страшила больше. Знала она, по рассказам бывалых людей, каково на чужбине горе мыкать.

Зайнушка возник рядом с ней опять тихо и неожиданно, быстро и осторожно перерезал веревку, стягивающую запястья беременной девки.

– Ползи за мной, да тише! Пузом не брякай!

– Зайнуш, а Зайнуш! – позвала она его шепотом.

– Чего тебе?

– Остальные бабы штоль здесь останутся? – сердито сказала Грунька.

Зайнушка зло сплюнул, что-то пробормотал, но опять уполз. Вернулся скоро:

– Все пути порезал, пусть драпают, как могут. Тут и пара казаков есть, небось, доберутся до Лебедка...

И он потащил Груньку в степь. Целую вечность она пыхтела за ним следом, а он все подгонял:

– Быстрехонько! Давай, быстрехонько!..

Наконец, сказал:

– Все, неча на карачках ползать, теперь не увидят. Вон кони стоят.

Грунька пристально посмотрела на него: и этого поначалу считали немым?

Силуэты лошадей отчетливо вырисовывались на фоне размытых степным маревом звезд.

– Сможешь верхом? – спросил татарчонок,

– А куды мне деваться? Не сбросить бы только...

– Ну, давай, карабкайся, я пособлю! Да, так... Мотри, седла нет. Держись за мной, может, и утекем.

– Господи, благослови!

Зайнуш помог Груньке подняться на коня, она пробормотала что-то похожее на благодарность, он взлетел на второго коня, – и откуда только все берется? – гикнул на всю степь, – эге-ге-ге – гей, не отставать!.. И понесся в сторону табуна расседланных на ночь коней. Страшный вой и визг тут же поднялись в степи, опять запылала в полную силу костры, воины сгрудились вокруг них, натягивая луки, готовясь отбить атаку пока невидного врага – все завертелось, закружилось заржали кони, загрели копыта, – и все это осталось позади. Кто из пленниц и пленников спасся, а кто был порубан джигитами или опять повязан – на этот раз еще крепче – кому какая судьба выпала – об этом Зайнуш никогда не узнает, да и ни к чему ему: на этих просторах, как будто специально созданных для схорону, никто и никогда не схоронился, не спасся; может быть, они с Грунькой были единственными ушедшими отсюда беглецами?

Зайнуш и Грунька летели над ночной землей, и черная мгла расступалась перед ними, обостренное опасностью чутье подсказывало дорогу.

Но уже угадывался рассвет над степью, новый день обещал новые приключения... Зайнуш остановил коня, дождался, когда подъедет Грунька.

– Ну, все, наши дороги расходятся, мне теперь с тобой не по пути, – сказал он, – а тебе отсюда совсем недалеко... Как говорят, не поминай лихом... Наверяд ли теперь встретимся; на Итиль пойду...

Грунька взглянула да него и поразилась: за одну ночь он повзрослел, из битого и клятого всеми татарчонка превратился в настоящего воина.

– Прощай!

– Прощевай, – как эхо откликнулась Грунька и вдруг притянула к себе своего спасителя. – Пусть Господь с тобой будет...

И она тронула коня...

Зайнуш рванул с места, может, бабушка Фатима еще ждет?

А Грунька вдруг остановилась, сложила руки рупором и закричала: «Зайнуш, а я ведь тебя прокляла!»...

Он не услышал, торопился, хотя торопиться ему как раз было некуда...

Они больше не увидятся на страницах этой книги. Но придет час и пра-пра-пра-правнучка Груньки обязательно встретится с пра-пра-пра-правнуком Зайнуша – и это часть моей родословной... А сам Зайнуш... Но обо всем по порядку...

Глава седьмая: ТАЙНА МИЗАНТРОПА

Сколько бы он не повторял, что устал от бесконечного бумагомарания, Йохарного Бабая он не мог провести. Тот как-то под вечер позвонил и гаркнул в трубку: «Ну, ты, Кафка из колодца, думаешь, что можешь утаить от меня свои грешки?»...

Кафка из колодца окаменел от страха, перебирая в памяти последние свои грешки. И грехи. Неужели прознал про машинку, купленную по цене компьютера, во всяком случае, в накладной так значится? Может, кто-то заложил, что он, Мизантроп, использует для личных нужд электронную ступу с криогенной метлой, на ковре-самолете летал по грибы с Люськой из бухгалтерской группы?..

Йохарный Бабай захохотал во все горло.

– Ну, что, в штаны навалил от страха? – спросил он. – Значит, для души пишешь, в стол, так сказать? Втайне скрипишь пером?.. А если я за твои тайны кликну сейчас моих барсуков с боевыми шампунями? Знаешь, куда они их тебе вкрутят, знаешь?

Враг человеческий упал на колени перед телефонной трубкой, кое-как выговорил:

– Из лучших побуждений решился я на такое. Постарался в художественную форму облечь саму суть готовящегося исхода... Пишу на примере одного из первых Выводов Избранных; Избранные до самой последней минуты не знали, что Вывод тренировочный... Мне была оказана высокая честь отдать свою жизнь за торжество...

Титан перебил меня:

– Знаю, что скоро уже твоя жизнь понадобится, пойдешь с Избранными до самого котла.

– Это счастье для меня! – поспешил я

– Никому и ничччччччччччччееегооо, – растянул Бабай слово, – не следует знать. Чем больше непонятного, тем счастливее человек. Хотя отнюдь не для его счастья мы души свои истратили.

Внезапно голос его смягчился:

– Мне доложили, что ты хочешь посвятить свое произведение мне, и это совершенно правильно. Пиши, да только не завирайся... Потом дашь почитать...

И из трубки пошли короткие гудки.

Мизантроп дрожащими руками достал из ящика стола рукопись. Красным фломастером с остервенением написал на обложке папки: «Ехарному Бабаю посвящается с трепетом»...

Зазвенел телефон, и в трубке снова ожил голос Титана.

– Да, чуть не забыл, Достоевский ты наш, – сказал он. – Не вздумай халтурить, как вам, инженерам человеческих душ, свойственно, дескать, из-под палки не так борзо пишется... Считай, что это заявка на шедевр...

Мизантроп открыл заветную тетрадь, разгораясь ненавистью ко всему человеческому. Он умел, получив взбучку от начальства, направлять свои эмоции в полезное для общего дела русло. Ничего, что пришлось посвятить рукопись начальнику: для ненависти это даже полезно. Он взял перо и подчеркнул двумя жирными линиями заголовок своего творения. А потом зачеркнул, ничего ему не нравилось...

Глава восьмая: ОКНО В НИКУДА

Он подумал, подумал и написал эпитафия:
«Когда они шли, шли на четыре свои стороны;
во время шествия не оборачивались.

Иезекииль 1.17»

И продолжил:

«Я давно подозреваю, что за окнами моей квартиры ничего нет. Пустота. Холодные мембраны стекол приспособлены для обмана, их колебания синхронизированы с моими нервами и утешают меня счастливыми видениями.

Я смотрю и вижу тесный двор, заваленный разбитыми ящиками, среди этой разломанной тары двух пьяниц, прикладывающихся к темно-зеленой бутылки, бородатого маляра, размешивающего побелочные снадобья в железной бочке, тощую бабу, изводящую ошейниками двух слюнявых бульдогов... А над всем этим висит слюдяное бледное солнце – жара, пыль, безнадега. Я думаю, что ничего этого на самом деле нет, все живет в глубине стекла, отпечатавшись там когда-то, но смотрю и не могу насмотреться: солнце палит, на небе ни тучки, и пьяниц все пьют, и маляр размешивает растворы, и баба смиряет ремнями собак. Я жду: может быть, маляр возьмется за кисть, пьяницы протрезвеют, а бульдоги разорвут бабу в клочья? Но боюсь – жизни не хватит на это ожидание.

– Что ты все пялишься в окно? – спросила Елена.

– Просто...

– Ступай, приляг, скоро тебе собираться...

– Я прилягу...

– Хорошо...

Она обняла меня, всхлипнула:

– Столько лет прожили... Столько... И все...

– Не плачь, пожалуйста! – я постарался, чтобы мой голос не дрогнул, но он дрогнул, – Не плачь...

– Тебе жалко, жалко, я знаю! – обрадовалась она моей интонации. – Но ты никогда не любил меня. А если сказать коротко, ты просто сволочь!.. И откуда ты только взялся на мою голову? Ты же чудовище!

– Наверное..., – не стал я с ней спорить. – Время такое...

Нельзя было даже произносить этого страшного слова, потому что тотчас часы на стене принялись бить. И отсчитали двадцать шесть часов. Как отмерили. Пора... Светлая печаль наполняла меня, и где-то рядом с ней бурлила радость: мне доверили сопровождать идущих вниз на апгрейд. Мне тоже не вернуться, но я счастлив выполнить свою миссию. Долг каждого вочеловеченного куэнзима – утверждать порядок Темных миров. Не жалея своей жизни, искренне радуясь, если потребуется ее отдать ради общего дела.

Примечание автора. Куэнзимы – существа из далекого космоса, враждебные людям. Могут принимать человеческий или любой другой облик. Куэнзимами могут становиться и люди, принявшие человеконенавистнические идеи пришельцев.

Куэнзимы захватывают планеты, чаще всего внедряясь в различные слои населения, смущая людей то обещаниями бессмертия, то огромными богатствами. Они десятилетиями живут среди людей. Дошло до того, что они принимают участие в выборах, подкупают сильных мира сего, они не брезгают подлогами, убийствами – чистой уголовщиной. На захваченных планетах устанавливают свой ужасный порядок, постепенно уничтожая все живое. А потом взрывают и планету, причем, вместе с вочеловеченными куэнзимами; те с радостью принимают собственную гибель.

– Отстает на час этот брегет-привет, – сказала Елена. – Чемодан я собрала: трусы, полотенце, зубная щетка, тройной одеколон, томик Эхила, пластинка с композициями Уотерса, лобзик – все самое необходимое. А деньги – в футляре от готовальни, да они тебе и не понадобятся...

– Спасибо! – сказал я. – Береги себя...

– Ты можешь не паясничать хоть в такую минуту? – сказала она. – Очки не забыл?

– Не забыл. Думаешь, там можно будет читать?

– Говорят, что в этом Эшелоне разрешат читать, не всем, конечно... Фонарик электрический взял?

Взял.

– Паспорт, свидетельство о браке?.. Аспирин? Квасцы?..

Я не ответил. Разве могла она хоть что-нибудь знать? И тем более – понять? Впрочем, это и не нужно, может быть, и ее тоже нет, как нет ничего за окнами?..

Я взялся за ручку чемодана и едва сумел оторвать от пола свою ношу.

– Тяжело, – сказала Елена, – зато нуждаться не будешь...

– Пока! – сказал я. – Не поминай...

– Ни лихом, ни добром... – откликнулась она. – Как не было тебя... В самом деле, какой прок от тебя был?.. Ни денег, Ни любви... Одни абортыв да скандалы, долги да похмелья...

Она хлопнула дверью, и последнее, что я услышал сквозь фанерные филенки, было:

– Задница с ручкой!

Я подволок чемодан к лифту, надавил на кнопку вызова и услышал, как из поднебесья потащились ко мне, стаяя и кашляя, неспешная кабина.

Здесь у лифта сидел регистратор, он выдавал жетоны с порядковыми номерами и застегивал на запястьях легкие композитные браслеты; от браслетов куда-то в черную высь тянулись тонкие и очень прочные нити.

Чуть не год прошел, пока приехала кабина лифта, а куда ей торопиться? Я взглянул в распахнувшиеся дверки: от пола до потолка громоздились баулы, узлы, чемоданы. Был здесь даже двуспальный полосатый матрац, перетянутый ремнями, и огромная хозяйственная сумка с дюжиной бутылок кефира. Пыльный и сильно потертый туркменский ковер напоминал о семейных радостях.

«Основательно собирается народ», – подумал я с раздражением. Мне никогда не нравились люди, у которых чего не хватись – все припасено. Наверное, я завидовал им: мне всегда не хватало одной копейки, одного глотка, одной минуты...

Я кое-как затащил чемодан в лифт, вышел из кабины, прихватив оттуда бутылку кефира. Кабина, шелкнув дверями, провалилась вниз.

«Почему, на самом деле, мы должны спускаться пешком? – подумал я. – Поди потом разберись внизу со всеми коврами, сундуками... Все у нас через... Но, может быть, апгрейд проведут прямо здесь? Я прислушался к себе: страха не было.

Я вышел на лестничную площадку, перегнулся через перила, но ничего почти не рассмотрел: в бездонном провале подъезда над лестничными пролетами раскачивались темные тени, белели чьи-то руки, вцепившиеся в перила.

«Почему же они раскачиваются? Словно повешенные?» – спросил я сам у себя и ответил сам себе: «Потому что раскачивается лампочка, подвешенная на витом проводе на невообразимой высоте. Все не так страшно, если понятно.

Я двинулся вниз по лестнице, и тут же услышал сверху и снизу шарканье множества ног. Я остановился, и звук шагов сейчас же стих.

«Стоят, потому что я остановился», – догадался я и сделал шаг. Сейчас же дрогнули тени, и раздалось шарканье множества ног.

– Эге-ге-ге-гей! Идем! – закричал я в полную силу легких, и тотчас лестница стоголосо проревела в ответ:

– ...гей!.. Эге-гей!.. Идем!.. идем!..

Похоже, что лестница и нити, прочнее стальных, надежно разъединили нас, надеюсь, навеки. Я всегда подозревал, что лестницы придумали не люди, это странный архитектурный элемент: шагаешь вперед, но одновременно поднимаешься или опускаешься. А прямо – нельзя.

– Дураки! – закричал я, – Иванов гад!.. Кузнецов падла!..

Лестница загудела, застонала, но проглотила, не поперхнулась.

– Дураки! – повторил я, – дерьмо стоголовое!.. Вонючки!

Я вздохнул полной грудью. На лестнице воняло прокисшим винегретом, мочой и серой. Чем не аромат свободы?

– Лопухи!..

Разделенные законом движения вниз мои попутчики не могут дотянуться до меня.

Я засмеялся. Наконец-то! Вот она свобода – говорить все, что думаешь, опускаясь вниз. Право напоследок сказать свою собственную чистую правду. Отбоявшись!..

Разве не за это право большинство дрожали всю жизнь, днем согреваясь от лютого ужаса водкой, а ночью закутываясь с головой в ватные одеяла, пропитывая их липким потом?

– Слышите меня? – спросил я негромко и по неясному мычанию, раздававшемуся в ответ, понял, что слышат друг друга все.

– Петров, помнишь, ты с работы пришел и застал меня в своей квартире? – спросил я. – Я тогда сказал, что за мясорубкой приходил, помнишь?

В ответ раздалось нечто, похожее на стон – Петров вспомнил.

– Так я не за мясорубкой приходил... А Гринберг не за газовым ключом... А сантехник из второго жилкооператива не для того, чтобы перекрыть вентиль... Больно жена у тебя красивая... Больно!..

– Больно!.. – отозвалась лестница мужскими голосами.

– А Люська-писательница – в запое, обручальное кольцо продала, – произнес кто-то совсем рядом. – Хотя оно ей больше ни к чему, мужик-то ее перебрался к Томке на седьмой этаж.

– Суки! Суки драные!.. – откликнулась писательница. И добавила, обращаясь ко мне:

– А ты не только импотент, но и плагиатор, хотя, может, это одно и то же...

– Ха-ха! – обрадовался я. – Вываливайте на меня свою блевотину, скорее!.. Посмеемся вместе. Болваны, вы так и не поняли, что меня теперь ничем не пронять! Я – свободен, вы слышали о таком? Свободен!.. И вас освободили, но ваши кандалы в ваших башках тупых и рогатых.

– Дрянь! Подонок! Нечисть! – дружно отозвалась лестница. – Живут такие!..

Куда власть смотрит?..

– Власть? – дождался я. – Кто она такая? Не та ли это недалекая дама, которая любит, чтобы ее постоянно сватали, но она бы только делала вид, что выбирает?

Или это нищенка, которая днем сидит на паперти, а ночами обжирается жирным и сладким? Или это забеременевшая девка, которая одинаково боится и рожать, и травить плод?.. Или это та старушка, которой хочется обязательно купить то, что не продается – это у нее страсть такая?..

– Интересно знать, кто тут не продается? – прошелестел где-то внизу некогда знакомый голосок.

– Дина, ты? – крикнул я.

– Узнал? – спросила она. – Вспомнил?..

– Что ты хочешь? – крикнул я. – Все прошло, ничего уже не вернуть, нам вместе шагать вниз...

– Вниз!.. Вниз... – поползло по лестнице.

– Помнишь ли ты, как сжигал мои письма? – спросила Дина.

Я и не забывал никогда, как все три тысячи ее писем, открыток, записок ко мне корчились в пламени мусорного ящика. В те времена тоже было страшно писать на бумаге слова. Мне рассказали, что есть специальная машина, которая читает наши слова. Нет, не ухмылистые люди пробегают глазами по нашим словам, которые мы выдирали из собственных сердец, а огромный чадающий и лязгающий, рассыпающий во все стороны красные искры механизм. Он выписывает из писем все самые опасные слова, а большинство слов очень опасны, и когда их соберется критическая масса, бдительный механизм сигнализирует об этом в специальные департаменты. Ну, а дальше, как говорят, дело техники: «Товарищ, вызывающе себя ведете! Вы что же думаете, что лучше других? Считаю своим долгом напомнить... Ну, а если наши доводы вас не убеждают, то, как говорится, пеняйте на себя...»

Если бы я был посвящен тогда в куэнзимы!..

Десять лет ежедневно она писала мне эти письма, иногда на дно два, а то и три. Ничего из ряда вон... Она была больна, а я был занят... В темных мирах свои затеи.

Утром она писала: «Ты сегодня придешь? Какие длинные ночи... Брал ли ты в руки сегодня карандаш?..» В обед она интересовалась моим аппетитом, вечером иногда вспоминала: «Солнце всходит на Запад. Молчанье. Задремала моя суета...». Я звонил по телефону, спрашивал: «Это твое?» Она только смеялась: «Блок...». Теперь я иногда думаю: а приходи я тогда к ней чаще, не было бы и писем?

Она не оставила привычки писать и когда пошла на поправку, и врачи отпустили ее домой. Пожалуй, она даже прибавила: «Никак не могу вспомнить твой почерк... Вспоминаю только твою подпись – такая наклонная змейка, а почерк твой утонул в памяти. Как сегодня писалось?.. Одолею седьмую главу? Ничего не бойся...»

Вот тебе на! Как будто не она читала все мои рассказы. Почерк не может вспомнить... А, может, так оно и есть, ведь я давал ей рукописи, отпечатанные на пишущей машинке. Ну да, машинка эта называлась «Москва» и отлично помещалась на табурете, я садился рядом с ним на плетеный ротанговый стульчик, и до боли в подушечках пальцев стучал по стертým клавишам. Потом я купил новую машинку, и она тоже называлась «Москва» – на покупающих машинки всегда смотрели косо, ведь с их помощью складывались слова, а напечатанное слово было страшнее написанного, тем паче, произнесенного. Спустя некоторое

время, конечно, приходили люди, которых почему-то называли «цензорами», и сверяли какие-то тексты, ковырялись в машинке отвертками, но ничего, видимо, не нашли – ушли восвояси – в свои мрачные и сырые катакомбы. Наконец, уже в новые времена я купил машинку на электрической тяге, и она тоже носила имя – «Москва»; она была скорострельна, грохотала, как станковый пулемет, и поэтому ее пришли проверять уже в день покупки: не настрочила ли она па-сквилей, прошений, жалоб?.. У нас ведь машинки сами по себе выдают сатиры а сатириков – полные пивные и подвалы...

Динка как раз прислала письмо: «У меня в Москве – купола горят! У меня в Москве – колокола звонят...» Один из «цензоров» вырвал из моих рук лист, прочитал, морща лоб, и сказал догадливо: «Машинка «Москва», и в письме опять же Москва поминается, есть в этом связь?» Он, наверное, был старшим у «цензоров», потому что они все согласно закивали: «Наверняка, связь есть, и связь недопустима... Надо бы разобраться... Ну, надо же, живут в одном городе, а переписываются. Как бары прежде... Писем-то, писем-то сколько!»

И они убрались, кажется, за подкреплением. Пока они не вернулись, я сжег все письма со стихами – ее и чужими, без стихов письма я тоже бросил в мусорный бак, в котором бушевал огонь...

Она не простила мне моей трусости.

Я сказал ей как-то: «Дина, стихи – это не те строчки, которые на бумаге, а те, которые в сердце»...

Она только улыбнулась, видимо, что-то очень дорогое для нее, дороже любви, сгорело в том костре.

Я крикнул в отчаянье:

– Дина, я спас эти письма от огнедышащей цензорской машины. Они не достались ей, раскаленной чугунной душе!..

Вся лестница услышала на это только тяжелый вздох.

Через минуту она спросила:

– Ты хоть понимаешь, что ты и такие, как ты – враги человеческие?..

Как она узнала?

– С заглавной буквы пишется – Враги!.. – попытался пошутить я.

– Еще с какой заглавной! Вражина! – не поняла она моей шутки. Я не стал ей говорить, что все-таки со строчной буквы надо писать, другого указания не поступало... Но разве она поймет?

Динка помолчала с минуту. Но, видимо, что-то еще жгло ее:

– Все ты врешь! – сказала она. – Как странно, одни и те же слова годятся и для правды, и для кривды... Ты ведь зарплату у них получаешь? У НИХ?

Все, кого она не любила, попадали в разряд «У НИХ». Еще она употребляла такие формы: «Продался ИМ? ОНИ тебе заплатили?»... Сама она, конечно, принадлежала когорте «МЫ»...

«Мы» – это бессребреники, правдорубцы и правдолюбцы, оборванные поэты, артисты погорелых театров, философы помойки... Словом, все, кого власть подкармливает, но не очень, и они на это сердчат. Для власти любой думающий, любой хоть что-то сочиняющий, подозрителен, и этого не изменить, но и с голоду уморить или заморозить в какой-нибудь экспедиции на Северный полюс эту братию нельзя: кто знает, кто займет их место? Эти-то прикормленные, хотя и не признаются, а вдруг вместо них придет откровенная шпана?

– Ты хотя бы видела машину для прочтения чужих писем? – спросил я у нее, и все на лестнице сделали шаг вперед. И вниз. – В ней полыхает огонь, который никто не разводил. Он вспыхивает сам по себе, едва в машину загружают очередную порцию писем. Пойми, что машина питается не нашими кривыми строчками, а нашими душами. Я спасал твою душу...

– Ты сжег две тысячи девятьсот девяносто девять писем, – не слушала она меня, – а одно тайком оставил... Этим письмом ты и откупился, когда время пришло.

В свое время я устал объяснять Дине и не только ей, что за любовные письма люди репрессиям не подвергаются... Но, видимо, кто-то постарался, чтобы она считала именно меня предателем, будто бы принесшим в тайное барсучье управление ее письмо, в котором были строчки «Любовь побеждает все! Ни границы, ни таможи не остановят ее. Не будет императоров, а любовь останется...».

Между нами говоря, конечно же, это я сдал ее, а кто же еще мог это сделать? Как раз тогда меня пригласили во дворец Дежавю, и я впервые в жизни оказался под мраморными сводами величественного здания, о котором каждый помнил, что именно здесь был подписан Великий Меморандум о Свободе Духа. Здесь и хранился этот величайший человеческий документ. По слухам, фолиант, переведенный на все галактические и земные языки, обслуживали два научно-исследовательских института и две надавно созданные почерковые лаборатории; готовились к торжественному открытию три новых управления – по изучению и передаче опыта проведения торжественных обрядов, и два строительно-монтажных – для массового строительства жилья для сотрудников Дежавю, которые не жалеют своих жизней во имя идей Темных миров.

В секретной службе дворца Дежавю меня прямо спросили: «С кем ты, человеке? Пришла пора сделать выбор. Правильный выбор... Он всегда существует, только рассмотреть его нужно. И смотри, не ошибись»...

Мне для начала предложили скромную стезю Наблюдателя, но намекнули, что со временем передо мной откроются блестящие перспективы. «Высоко можешь взлететь, – говорили мне, – вплоть до Организатора Побед. Вплоть до Сержанта Тайной Барсучьей Службы!»

Я даже не стал спрашивать, могу ли я отказаться. В общем, меня зачислили в полк к последнему Титану, имя которого было тайной. Хотя за глаза все его звали Ехарным Бабаем, а в глаза его не видел никто. Да никто и видеть не хотел. Известно только было, что он громадного роста, звериной жестокости и любит сигареты с ментолом.

Перед принятием присяги на верность лично Титану заведено было показывать свою лояльность. Кто сделал дорогие подарки командиру полка, кто на торжественном построении рассыпался в уверениях и обещаниях, а я сделал умнее: сдал динкино письмо. Тогда я удостоился первого личного телефонного разговора с Ехарным Бабаем.

– Так держать, сынок! – громыхнул он в трубку. – Ты сегодня не просто девочку свою заложил, а совершил высочайший акт самоотвержения во имя идеи.

Бабай вздохнул и добавил:

– Само собой, во имя моей идеи... А что это за идея, тебе знать не обязательно... Если все-таки допрешь самостоятельно, в чем моя идея, язык держи за зубами, зря не рискуй... Понял, сынок?

– Так точно, Ваше..., – я запнулся, но потом решился, – Ваше высочество!

Откуда-то сверху прилетело:

– Ты, оказывается, еще и дурак. Мне повезло... В нашем деле природный дурак – настоящая звезда...

Ну, а с Динкой тогда поступили вполне гуманно: схлопотала она пожизненный запрет на чтение книг, подумаешь! Классику-то она давно всю прочитала, помнит наизусть – пусть теперь глаза отдохнут. Кроме того, ей разрешены книги Литты Блажь, Литты Тендер, Ивана Хмельнова и других современных писателей... я ей когда-никогда свои книги подбрасываю... Так что, она легко отделалась. Должна быть мне благодарна, что не на эшафот ее потащили, не на вертикальную гильотину, хотя она считается проявлением милости: последний взгляд осужденного приходится не в корзину, а на море людей, пришедших проститься с ним.

– В конце концов, ты не на лесоповале была, – крикнул я, и все на лестнице согласились.

– Нет, не в бараках, не на морозе, не в карцере, – подхватила лестница, – не в рванье, а в чисто выстиранной робе, пусть не в ресторане, но пайка черного всегда обеспечена...

Я отлепился от перил и снова двинулся вниз, шаркая тяжелыми ногами. Все опять тронулись вниз.

Внезапно я почувствовал, что голоден. Бутылка кефира была со мной, щелчком пальца я сбил крышечку из фольги, отхлебнул и сплюнул – кислятина! Не долго думая, я метко швырнул бутылку вниз. Не этому ли учили меня в вечернем институте Мерзости, Пакости и Культуры?

Бутылка завыла, как бомба, и рассыпалась внизу на тысячи осколков, и тут же закричала Дина – тонко, пронзительно.

– Он добил меня, убийца... Осколок попал, кажется, в самое сердце! – голосила она. Но только врала, я не метил в нее, и бутылка улетела на самый низ лестницы.

Но лестница завопила на все голоса:

– Негодяй!

– Террорист!

– Преступник!

– Куэнзим! – крикнул кто-то догадливый.

– В восемнадцатой квартире врач живет, надо сообщить...

– А в сотой ружье есть, поручите мне, я его, гада, застрелю! – прокричал кто-то густым басом.

– Правильно, – поддержал предложение молодой голос откуда-то из-под моих ног. – В сотой как раз капитан живет, он его живо уберет...

– Я – жива, – попыталась спасти меня Дина, – Мне только показалось, что в меня осколок попал...

Но лестница закусила удила. Обреченным хотелось меня убить, раньше, чем мы все дойдем до самого Низа.

– Позвать капитана!..

Мимо меня, грохоча коваными сапогами, промчался врач, – задев меня стальным углом врачебного чемоданчика. Лицо его, как водится, прикрывала профессиональная черная маска, на рукаве белела повязка с надписью «Коновал».

– Осторожнее! – крикнул я ему вслед. – Коновал!..

– Не забывай, завтра понедельник, может, и свидимся! – зловеще напомнил он. – Людей косят разлуки...

Глубоко внизу родилось радостное:

– Капитан с ружьем пришел!

И эта многоголосица, обрастая эхом, двинулась навстречу мне. Конечно, идущие до самого Низа, не могли свернуть со своего пути, но сопровождать капитана радостными криками может каждый. Люди ликовали, что кого-то убьют раньше, чем их.

– Ура, двенадцатый калибр!

– ...дробь... крупная...

– ...жакан! Собаке собачья...

Смешно было бы желать собаке человечесью смерть, волку – козлиную, а Ёхарному Бабаю и вообще такого не пожелаешь...

Общее возбужденье подстегнуло и меня: пора прятаться. Хотя я не очень уверен был в капитане: пьяница, руки трясутся – или промахнется, или попадет в кого-нибудь другого. А припишут опять мне. Как же, враг человеческий... И невдомек людям, что я враг, а не пакостник мелкий... Впрочем, и пакости бывают такие, что пальчики оближешь.

Я бросился к ближайшей двери, забарабанил кулаками, и вдруг почувствовал, как ослабли нити: неужели строй выпустил меня?

Дверь распахнулась, и девочка лет тридцати пяти, в цветастом замусоленном халатике сказала:

– Заходите на полчаса, я как раз кофе сварила. Любите кофе?

Как будто мы только с ней расстались.

– Меня хотят убить! – сказал я с выражением.

– На полчаса, – повторила она, и провисшие, было, нити опять зазвенели струнами.

– А если на час? – с надеждой спросил я, но девочка даже не ответила.

– Тебе сколько лет? – я должен был говорить, чтобы заглушать звон в ушах.

– Сорок, – оказала она, – я замуж выхожу через три дня... Так что, если вы чего думаете, то напрасно, я с каждым встречным не лягу...

– Да я ничего и не думаю... Достойный мужик хотя бы?

– Да так...

– С детьми не затягивайте, детей надо на ноги ставить пока сами молодые...

– Вот кофе, пейте, папаша, – сказала она. – Вы со всеми простились?..

– Нет. Какой смысл?

– Многие обходят родственников, знакомых, устраивают торжества... Тосты, угощенья, красиво!

– Ага! – сказал я. – В твоей квартире окна куда выходят? Во двор или на улицу? Или есть запасной выход?

– Удрать хочешь? – неправильно поняла меня девочка.

– Здесь нет окон. Было одно, но его еще в прошлом году мой жених кирпичом заложил... И еще там был неширокий проход в какой-то другой коридор. Жених все заложил кирпичом.

– Сквозило ему что ли? – спросил я у нее. – Жених-то в годах у тебя? Дедынька?

– Вид ему из окна не понравился. Говорит, как ни посмотришь, а за грязным стеклом алкаши пьют, маляр известку в бочке бултыхает, и соседку псы за собой таскают. И солнце палит, как в аравийской пустыне...

– Слушай, – сказал я ей, – а что, если я разберу эти кирпичи? Минут двадцать пять у меня в запасе есть...

– Двадцать три минуты осталось, – уточнила она. – Пейте кофе...

И добавила, помолчав чуть:

– А я никогда не видела, как людей стреляют...

– Так тебя любопытство сжигает? – догадался я. – Хочешь посмотреть, как капитан меня убьет?

Она замялась, дескать, не так уж сильно хочет, побаивается, конечно, но одним глазком глянуть можно.

– Не торопись, какие твои годы, еще насмотришься, – обнадежил я ее. – Уверен, ты никогда не видела и то, как человек через окно убегает от своих преследователей...

Она заинтересовалась:

– А потом за Вами вышлют погоню, да?

– Конечно, будем долго бегать, стрелять, не прицеливаясь, карабкаться по пожарным лестницам, прыгать с крыши на крышу, пока не надоест самим, или не уморим зрителей.

– Как здорово! Здорово! – воодушевилась она. – Сейчас я вам дам инструменты.

И через минуту она притащила лом, топор, монтировку, перфоратор, «болгарку» и много другого железа. Я удивился, откуда у нее все это?

– Да так, случайно, – уклончиво ответила она, приоткрыла дверь в коридор и крикнула на лестничную площадку:

– Капитан, имейте совесть, не курите под моей дверью, в квартире уже дышать нечем...

В ответ из коридора раздалось только вежливое покашливание.

Она что-то еще говорила капитану, он, кажется, отвечал, а я взялся за спасительное железо. Такие таинственные местечки всегда манили меня, не из праздного любопытства только: что и зачем люди прячут за заложёнными окнами и дверьми – клады, вековечные секреты, грамоты о вольнице, спящих красавиц? А, может быть, и – редкая удача – переход во времени? Годичная кладка легко поддалась, и через минуту я уже вытащил первый кирпич. За ним второй – третий, не прошло и десяти минут, как я освободил и оконный проем, и проход в таинственный коридор. Но там не оказалось окна. Вернее, оно как будто было, – нарисованное на старой неоштукатуренной кирпичной кладке, а и сама кладка выглядела, как будто ее долго поджаривали на большой сковороде – была она закопченная, грязная, какая-то даже сальная. Пройдешь мимо, и никогда не остановишься рядом с ней, а уж приглядываться к ней не будет никто и никогда.

И вдруг какие-то тени побежали по этому псевдоокну. Опаленная кладка начала менять цвет – и внезапно стала почти прозрачной. Я ожидал увидеть за окном давно знакомый двор, пьяниц и собак, но за окном была толща воды; совсем близко к нарисованной раме подплывали свинцовые судаки, серебряные жерехи, шевелил усами громадный сом...

И вдруг в это водное пространство откуда-то сверху вторгся человек – ныряльщик. Он был абсолютно голый и удивленно таращил глаза, должно быть, рассмотрев меня. Минуты три пробыл он рядом со мной, пытаюсь открыть дверь, которую, должно быть, обнаружил где-то снаружи, и затем выплыл на поверхность воды, скорее всего, реки.

Дальше, у окна, начинался темный, узкий коридор. Сыростью, столетней затхлостью потянуло из него. Я слышал когда-то болтовню двух поддатых лаборантов, что именно в этом доме существовал разлом времени, через который можно попасть в будущее или прошлое. Будто бы разлом этот давно затянулся, но как старая рана в любую минуту может открыться опять. И тогда..., а что будет тогда?..

***Примечание автора.** Остановившееся или остановленное время старается вырваться из пут, как пленник, которому нечего терять, поэтому, то там, то тут возникают разрывы (разломы, прорехи, проходы) в единой ткани прошлого-настоящего-будущего. Проходы могут открываться как на суше, так и в воде, даже в жерлах вулканов, как это случилось однажды на Марсе, где до сих пор заблокированы лавой тамошние путешественники во времени; они дожидаются, когда их вызволят из этого небольшого разлома уже большие пятисот лет.*

Скажете, что не бывает никаких разрывов, мы живем, стареем, и перемещаемся потихоньку только в одну сторону – прошлое.

Я отвечу так: не спешите с заключениями, а посмотрите вокруг – сколько встречается людей, которые явно не принадлежат своему времени.

Конечно же, я взял на заметку слова болтунов: чем меньше прошлое будет напоминать о себе, чем чаще грядущее будет пугать нас из телевизоров и газет, тем скорее удастся свести по лестнице в подвалы последние Эшелоны Избранных. Закрывать, замуровать все точки соприкосновения будущего с прошлым – и как можно скорее! Хотя новомодные ученые не устают утверждать, что нет прошлого и будущего, а есть вечность и терпение...

Я прошел по коридору несколько метров. Сюда выходили двери, много дверей, а конец коридора терялся в тусклом электрическом далеке. Откуда-то доносился детский плач, беззлобно переругивались невидимые женщины, кто-то негромко напевал «В степи широкой под Иканом...». Просто засушенный пятидесятый год какой-то...

Я постучал в ближайшую ко мне дверь, и в то же мгновение откликнулся резкий женский, с визгливыми нотками голос: «И кого нечистая сила принесла?.. Коли приперлись, заходите! Ну, чего молчите?»...

Я взялся за ручку двери, потянул ее на себя. Дверь не поддавалась. Я потянул сильнее. Тот же результат. Несокрушимая дверь, ощущение такое, что она чугузная. Я пригляделся: как и в случае с окном, никакие это были не двери. Только ручки у них были настоящими, а все остальное нарисовано на стене.

Так кто же приглашал меня зайти?

Да, шутка, достойная самого Ёхарного Бабая...

Девчонка-невеста, оставшаяся в своей квартире, брэнчала на струнах какой-то старой гитары, мурлыкала: «...По ракетам и антиракетам антиантиракеты неслись, в синих бликах землянского света на Луне шесть дивизий дрались...».

– Ну что там, в коридорище этом? – спросила она, отложив гитару. – Какая-то коммунальная квартира, да?

– Да, квартира, ничего интересного, – ответил я ей. – Шипят примусы, гудят керогазы, варится журма... Любишь журму?

– Чего мне любить ее, небось, не голодный год? – с достоинством ответила она. – Послушайте, а откуда там квартира взялась, там ведь окно было, и вечно в него видны были пьяницы, баба с собаками?..

– Обман зрения, – сказал я ей. – Это бывает... Мне, например, однажды показалось, что в кармане старой телогрейки, валяющейся в сарае вместо тряпки, должен лежать червонец. Я не поленился дойти до сарая, обшарить карманы телогрилки. И что ты думаешь, никакого червонца там не было. Даже трешницы не было. Даже несчастного рубля. Но оказалась там фотокарточка из нашего фотоателье «Модерн», и на этой фотографии была девушка... Ну да, девушка... И я влюбился в нее с первого взгляда.

– В фотокарточку? – постаралась она выглядеть еще глупее, чем была на самом деле.

– В девушку... Наверное, надо заложить этот проем? – предложил я, – время еще есть?

– В обрез, – сказала она и показала рукой на натянувшиеся нити. Каникулы заканчивались.

– Если оставить так, то могут прийти крысы, – убедил я девочку-невесту. И за пять минут проема не стало.

– Я потом побелю здесь, будет еще лучше, чем раньше... – пообещала она. Я решил закрепить соглашение.

– Говорить хоть кому-нибудь об этом коридоре тоже не стоит, – сказал я. – Иначе могут требовать плату за дополнительную площадь...

– Щас! – радостно завопила она. – Капитан за свою комнатку не платит годами, станет он деньги давать за чужие квадратные метры! Что, он ненормальный?

– Причем здесь капитан? – спросил я.

– Он и есть мой жених... – сказала она просто, и я не сумел остаться равнодушным. Девочка эта мне понравилась. Каким молодым я был тогда!..

Я вернулся к столу, вытер руки скатертью, тоже замусоленной, как и ее халатик, и молча пошел к двери.

– Чего вы сердитесь? – спросила она. – Я же не знала, что вы такой есть... Необыкновенный.

– Я – обыкновенный, – ответил я.

– Нет, нет! – запротестовала она. – Невероятный! Вы же тайный космонавт, я знаю! Вы бывали на планетах и звездах...

– Откуда ты...

Она не дала мне договорить, поцеловала в губы, обхватила меня руками. Потянула к себе. Нити снова натянулись, снова зазвенели, как струны.

– Давай скорее, на все у нас с тобой четыре минуты...

«На все у нас с тобой вечность», – хотел сказать я, но она поцеловала меня, потащила за собой на диван. Я не очень сопротивлялся.

Через четыре минуты она открыла дверь, при этом даже не удосужилась хотя бы запахнуть свой халатик.

Но капитану с ружьем было не до переживаний, он трясся от нетерпения засадить в меня добрый заряд какой-нибудь волчьей дроби. Увидев меня, он взвел курки своей допотопной двухстволки двенадцатого калибра.

Его невеста все-таки успела сказать мне:

– Там что-то нечисто, в этих безлюдных коридорах... Только однажды я видела, как по коридору прошел серьезный человек в фуражке с малиновым околышем, а вслед ему кто-то крикнул:

– Господин полковник, вы вернетесь?

Ответа я не услышала...

Раньше, когда проем не был заложен, я часто тайком смотрела в таинственный коридор, и где только все это умещается в нашем совсем небольшом доме? И мне казалось, что в этом коридоре, должно быть, не видимом никому больше, даже воздуха нет, и там страшно...

Капитан топорщил усы, впрочем, кажется, у него не было усов, но весь его облик, сутулая фигура, фуражка набекрень – требовали усов, и воображение дорисовывало то, чего на самом деле не было. А может, и ружья никакого нет?

В глазах капитана плескался страх, как у каждого палача: когда-то ведь неизбежно призовут его, спросят: «На что патроны потратил, милоч?»

Я сказал ему:

– Постарайся пиджак не повредить, совсем новый клифт, а то ведь у тебя не дробь, а горох...

– Разговорчики, осужденный! – еще больше испугался капитан. И чтобы побыстрее покончить с неприятным, он упер стволы мне в грудь и нажал на курок.

Ружье только щелкнуло, да и то негромко. Капитан матюгнулся, подкрутил несуществующие усы, переломил ружье и принялся перезаряжать свою славную фузею.

– Щас, щас! – бормотал он, и пальцы его тряслись. На этот раз он прицелился в голову, но опять произошла осечка.

– Извини, капитан, по три раза даже в семнадцатом веке не расстреливают, – сказал я и двинулся вниз по лестнице. Вместе со мной тронулись Избранные.

– Ну, почему? – взревел капитан, внутренне радуясь осечке.

– Посмотри на патроны, – посоветовал ему я. Не стану же я говорить ему, что куэнзима не убить из простого ружья.

Он достал из кармана два патрона, уставился на них, теребя мнимые усы. На одном было отщипнуто красной краской «суббота», на другом – черной краской – «среда».

– Ну, вот, а нынче воскресенье, забыл? – сказал ему я. – Покопайся в штанах, может, найдешь хотя бы пятничное вооружение?

– Ты – враг нашего народа! – просипел капитан, – враг человеческий... Весь наш Эшелон приговорил тебя...

Он был так не интересен, что я прибавил шагу, и все на лестнице зашаркали интенсивней. Девочка- невеста сказала мне:

– Теперь ты все сам видел... Знаешь, где что... Понадоблюсь – найдешь меня.

Когда я спустился этажом ниже, она крикнула:

– А помолвку с капитаном я разрываю!

Наверное, это сообщение огорчило лестницу, некоторое время шли молча, ничего не происходило. Чтобы как-то скрасить однообразие ходьбы, я принялся

поднимать зашуршавшие внезапно под ногами бумажные листочки, как будто кто-то специально устилал ими наш трудный путь. На листочках – бисер какого-то убористого текста: «...ничего, что так вышло, ничего...»

Еще один писатель? Не многовато ли сочинителей на одну лестницу? Читателей становится все меньше, писателей – наоборот. Делать, однако, нечего: «Купила мне Людмила часы – с черным циферблатом, с черным же кожаным ремешком. «У них зверский ход и зверская точность, – сказала продавщица – Больше никуда не опоздаете, в них, часах этих, заводу хватает на год, в них будильник, как выстрел Авроры, они сами не горят, не тонут, пыль не пропускают. Чудесная вечная вещь. И почти бесплатно».

Часы встали ровно в шесть вечера, и как я ни бился, стояли до шести утра, а потом снова пошли. В шесть вечера они снова встали. Следующим утром я загнал их Шурику, вместе и выпили. Шурик положил часы в стакан с водкой и сказал:

– Спорим, сейчас пойдут?

Я тоже думал, что водка может оживить любой механизм, но на всякий случай поспорил на пузырь. Пить-то все равно вместе придется.

Шурик выпил водку, вытащил часы – тикают, как новенькие. Сбегал я в магазин, часы опять остановились. Побежал в магазин Шурик. И так, кажется, четыре раза: часы то идут, то опять встают. Так можно сгореть от водки.

Пока мы бегали в магазин, часы куда-то исчезли. Пропали. Мы в меру слабых своих сил обыскали все помещение дворницкой, где мы отдыхали, но часы словно провалились. Мы с Шуриком, конечно, самих себя из списка подозреваемых исключили, а больше никого в дворницкой не было. Не сразу мы поняли, что часы растворились в водке – и искать их нужно в другом месте. Да.а.а... Я прислушался: часы стучали где-то во мне. Я приложил ухо к пузу Шурика: в его кишках булькала только водка.

– Гони назад деньги! – сказал Шурик. – Ты сам слопал свои часы.

Пришлось достать заначку, рассчитаться с приятелем. Взяли еще пузырь. Пили и прислушивались, как внутри меня стучит время.

Шурик сказал, что время стучать не может, уже хотя бы потому, что времени на самом деле не существует. День и ночь сменяют друг друга – вот и все. А какому-то чудачку захотелось назвать это временем. Неистребима в нас привычка простое объяснять сложным.

Чего уж проще – часы в человеке тикают, с каждым может случиться. Не сказать, что часы эти внутри меня очень мешали, но я хотел бы перевести будильник с шести на восемь, но сделать это было невозможно – часы-то растворились. А потом прошел слух, что время вообще остановилось.

С этой незначительной проблемой пошел я к профессору по уху, горлу и носу. Тот долго выстукивал, прислонял к животу слуховую трубку (живот, оказывается, имеет отношение к ушам, а я и не знал), потом объяснил, что медицинского заболевания нету, но мировая депрессия, дескать, меня накрыла густо. Кучно. Профессор (а умный, собака!) открыл глаза на ситуацию: эта самая депрессия усугубляется всемирной скорбью. И эти страшные явления распространяются по вселенной со скоростью света и даже быстрее. Многие галактики, испытав удар вселенской тоски, свернулись клубком, как уснувшие от холода змеи, перестали получать живительную энергию бытия, и на этих несчастных галактиках

наступила вечная зима, и в календарях у них остался один всего месяц под названием «феврюари». Постепенно и вся жизнь на этих планетах стала называться «феврюари».

Лучшие умы депрессивных галактик пришли к выводу, что вся наука – пробирки, микроскопы, очки без диоптрий на носу – полный отстой; ничего не может современная наука. Ученые только и горазды толочь в ступе высушенные лягушечьи лапки, смешивать один прах с другим. Только недавно выяснилось, что оказывается, бессмертья нет, а мы так рассчитывали на него. Но оно возможно... Дверца пока приоткрыта... Не нужно только человеку совать нос во все тайны, пропиливать лазы во все пирамиды, резать всех лягушек...

– А я верю в бессмертье души, – признался я профессору.

Тот запечалился еще больше:

– И я верю...

Он пригорюнился, из уголка рта побежала тоненькая струйка старческой слюны. Не скоро он собрался с мыслями, но, наконец, изрек:

– Тело грешнее души. Ведь не душа обжирается салом, до посинения наливается «Особой московской», сквернословит, как последний сапожник... Поэтому телу оставаться в земле, а духу подниматься к вершинам...

Он замаялся, будто примеряясь – хорошо ли будет духу на такой высоте, и повторил:

– В общем, к вершинам...

И тогда я спросил о самом сокровенном:

– Выходит, и вселенная умрет, раз уж она материальна?

– Конечно, умрет, обязательно! Звезды захлопнутся, как мышеловки, черные карлики будут поглощены двойными звездами, которые сами провалятся на самое дно черных дыр, и все остальное навеки погубит антиматерия...

...С тех пор разлилась во мне тревога, как разливается желчь. Забыть о ней не дают тикающие внутри меня часы. Я обратился было к хирургам, но они заверили: никаких посторонних предметов в моем организме нет.

– Но что-то ведь тикает?

– Это чисто психологический эффект, – не стали врать хирурги, – а психика – дело путаное, крученое, здесь любого человека могут объявить придурком и объявляют. Он, психолог, может спросить у человека: «Ты в детстве жрал без меры сладкое? Точно, да? Значит, имеешь склонность к суициду... И если что, рука не дрогнет расправиться с дюжиной соседей». Человек, объявленный людоедом, конечно, закричит, задергается, а те только этого и ждут – хватить человека и в дурдом его...

В общем, все страшнее и страшнее становится на свете, а еще, говорят, объявились какие-то одноглазые и одноногие куэнзимы – воины ночи, рыцари зла и обмана; и прибыли эти неуничтожимые солдаты (говорят, что они очень чистоплотные, зазря никого не обижают, живут среди людей). Куэнзимы (коэнзимы – так тоже правильно) очень любят дисциплину и порядок. Уверяют, что они специально прибыли для того, чтобы помочь нам наладить шеренги, четкие строевые повороты на 90 и 180 градусов. А также нам не помешало бы научиться рассчитывать на «первого – второго», а если понадобится, то и на третьего...

«Куэнзимы наведут тут марафет, давно пора! Истосковался народишко без сильной руки!» – говорили женщины, но сердца их нет-нет, да сжимались от тоскливых предчувствий.

Так я протикал три недели, сходя с ума от ужаса – каждая секунда стегала меня изнутри. И к исходу этих трех недель я, наконец, понял, что мне нужно делать, что может стать делом всей жизни. И я опять пошел к профессору по носам, ушам и горлу.

Его не было ни дома, ни на работе.

В институте по горлу и носу тоже не знали, куда он мог запропасться.

– По девочкам он как будто не ходок, – рассказывали соседи. – Раньше, конечно было – всех студенток перешуupal, а нынче – ни-ни!

Профессорская жена, которую он давно заменил на молодуху, после развода с профессором так никуда и не уехала, осталась командовать на кухне, в его доме, и она, эта Марта, много знала. Она дала верное направление.

– Сказывал, что на даче он будет, – прослезилась она. – Что-то он тревожился в последнее время, касатик!.. Довели его сучки крашенные до схимы... Ушел в поля, ветер теперь его дом, дождевые тучи – его рубище... Где он теперь обогреется, где раздобудет черствую горбушку?

Во время слезных причитаний она протянула мне конверт:

– Вам письмо от профессора!..

– Он что, знал, что я приду? – спросил я удивленно.

– Он ждал тебя, касатик, – ответила Марта. – Только он думал, что ты раньше будешь, к понедельнику. Когда уходил, строго-настрога наказал мне дожидаться тебя... Так что, вместех и пойдём....

– А Изольда остается? – спросил я про профессорскую молодую красавицу-жену.

– Кто-то же должен остаться, спасутся не все, – ответила Марта, и мы тронулись. Правда, захватили пару кастрюль, дюжину всяких ложек-ножей и круг копченой колбасы. Пригодится.

Изольда, было, побежала сгоряча за нами, но скоро отстала. Спасется ли?

Марта спросила:

– А чего это в тебе, касатик, тикает? Не бомба ли?

Я пустился в рассказ, но она слушать не стала: часы, так часы, эка невидаль – тикают. Раза два она все-таки подходила ко мне почти вплотную, прислушивалась и каждый раз заключала:

– Ты, касатик, ловко луковицу спрятал, никак не пойму, откуда она тикает, как будто в мудях, но может быть, и подмышкой... Точно – подмышкой!..

До профессорской дачи мы добирались, где пешком, где на попутках, где на разбитых телегах, и Марта не умолкала ни на минуту, но перед самыми воротами профессорской дачи она ненадолго примолкла и вдруг спросила у меня:

– А чего будет, когда завод кончится? В часах-то твоих? Случаем, не конец света? А то смотрю я на тебя, касатик, и хочется осенить себя крестным знаменем... Свят, свят, свят... Чур меня!..

Профессор сидел на некрашеном деревянном табурете в самом центре дачного участка, заросшего и запущенного; огородно-фруктовые джунгли простирались на пятнадцати сотках, и в джунглях этих, похоже, все было, как в джунглях. Я заметил, как около разбитого колодца огромный полоз душил кролика, а на ветках одичавшей яблони сидели два попугая.

Он не поднялся, увидев меня, как будто мы расстались не два месяца назад, а сегодня утром. Он и разговор повел, как бы продолжая вчерашнюю беседу:

– Хорошо, что ты созрел до понимания того, что когда страшно – нужно бороться. Не махать рукой на мнимые (мнимые еще опаснее) страхи, не ждать, когда завоюют все сирены в мире, а спастись уже сегодня...

Профессор разгорячился и стал похож на Джордано Бруно перед восхождением на костер. В глазах его пылал огонь, и при этом оба глаза смотрели друг на друга. Поражали его зубы перламутровой белизны. Его улыбку вполне можно было назвать ослепительной, если бы зубов было больше, хотя бы штуки четыре.

– Живые времена на исходе, – продолжил он, сидя на табурете, – солнце остывает, любовь умерла еще в прошлом веке. Закончились все революции и войны, пустыня наступает на пашню, все увереннее поднимает голову враг человеческий...

– Страшно, – сказал я. – Я пришел к вам с предложением построить...

Профессор перебил меня:

– ... возвести Совершенно Надежное Убежище!.. Природа давно нам подсказывает: все – под непробиваемые потолки, за бронированные стены трехметровой толщины, за окна-бойницы, за которыми можно высидеть атомную осаду!.. А мы, неразумные, не понимаем языка, на котором она говорит с нами... Повторю свое любимое: страх потеряли... А страх – лучший друг безопасности!..

– Для начала построим небольшой бункер, закроемся года на три... Эти годы не должны пройти даром, они будут наполнены работой над концепцией Совершенно Надежного Убежища! Нас будет пятеро, две юных особы сообразовали уйти с нами под землю на три года. Подвижницы, ради науки они готовы на все...

Подвижницы вскоре появились: две сонных девки, некрасивые, какие-то мосластые. Профессор пожал плечами: ну, что ж, крепкая кость, много выносливости и веры в наше дело.

Я еще присмотрелся: нет, как будто, ничего, особенно одна, бывшая спортсменка, как представил ее профессор. Другая тоже была интеллектуалкой, умела читать и писать.

С этого же дня мы начали покупать доски, горбыль, фанеру, цемент, создавать запас консервов «завтрак туриста», «сайра бланшированная в масле», «морская капуста, готовая к употреблению» – недорогие, славные продукты. Взяли также три бочки сельди «каспийский залом».

– За три года так просолимся, – сказала одна из интеллектуалок, – что скрипеть будем...

Строили на удивление быстро, местное население оказывало всяческую безвозмездную помощь: кто ведро рыжиков принесет, кто кусок рубероида, кто возьмется за лопату, кто просто поддержит добрым словом.

Все в дачном поселке считали, что профессор строит теплицу, чтобы выращивать там огромные пупырчатые огурцы, чтобы на старости лет он не остался без прокорма.

«Огурцы – это дело! – одобрительно говорили дачники. – И на закуску хороши, и на пропитание»...

Наконец, все работы были закончены. Подземные помещения были просторными, с хорошей вентиляцией, профессор развесил на стенах фотографии своих родственников, соратников по носу, горлу и особенно по уху. Марта умудрилась на непробиваемые бетонные стены повесить вышивки, картинки, купленные на рынке, в ряду, где торговали художественными ценностями. Как-то раз она принес-

ла с рынка слух, что объявились доселе невиданные в природе звери – куэнзимы, которые ненавидят все человеческое, даже сам запах человеческий. И посланы они на Землю из космоса с целью известить все наше и насадить все ихнее.

– Ну, что ж, – вздохнул профессор, – события подталкивают нас поторопиться. Уходим на рассвете, в четыре тридцать утра...

– А что, выспаться нельзя? – принялась бухтеть одна из девок, и тут только мы заметили, что девки как бы безмянны. Профессор тут же исправил эту оплошность.

– Тебя нарекаю Веточкой, – коснулся он плеча одной девки, – а тебя Елочкой, – коснулся он плеча другой...

Девки что-то принялись бурчать, но вскоре стали откликаться на новые имена. Но все равно отличать их было трудно.

– Может, и мне положен псевдоним? – спросила Марта, и щедрый профессор нарек ее Баклажанной. Неожиданно псевдоним ей понравился.

– Баклажанна... Баклажанна Иосифовна, – повторяла она на все лады.

В четыре утра пришел сонный экскаваторщик и долго не мог взять в толк, что от него требуется.

– Как только мы спустимся все пятеро под землю, ты завалишь землей выходной люк, да так разровняй, чтобы никто не нашел, – терпеливо объяснял ему профессор. – А время придет, мы сами поднимемся на поверхность. А тебе за это две бутылки водки...

– Три! – твердо сказал экскаваторщик. – И деньгами десятку... доллариями...

– Я точно рассчитал, что литр водки – это как раз доза забвения, после которой вспомнить, что было накануне, невозможно, – сказал профессор мне. – А третья бутылка, как гарантия, что раньше срока нас никто не найдет...

Странная рукопись оборвалась.

Я подумал: «Не знаю, как это происходит в городе, где профессор с соратниками стараются спрятаться от наступающего времени катастроф, но в нашем городе (и само собой – в мире) изреченное слово – сразу становится истиной. Стоит только сказать «ау», как эхо повторит его миллион раз, а пожелаешь соседу, чтобы он, сволочь, подавился, а уж он хрипит – огурец не в то горло попал. Стоит послать жену, куда их обычно посылают, а она уже оттуда, куда посылают, мужика какого-то за вещами прислала, только придумаешь написать про семейное бомбоубежище, а уж, глядь, все бегут с ломami и лопатами наперевес – решили тоже в землю закопаться. А значит, сидят уже под землей стратотерпцы, и не просто сидят, а потихонечку наводят школьные микроскопы на всемирную проблему – совершенно надежных убежищ. Совершенно надежных!

Надо ли это, чтобы человек заслони́лся ото всех напастей?

Я продолжал шагать вместе со всеми по лестнице...

– Дина! – крикнул я.

Она отозвалась еле-еле.

– Скажи, Дина, окна твоей квартиры куда выходят? Во двор?

– Да, во двор.

– А что видно из них? Что там происходит?

– Ничего особенного... Осень... листья летят желтые... Дождь моросит.

– А собаки, собаки там должны быть!..

– Никаких собак нет... Беседка есть старая, еще мы с тобой в ней когда-то вдвоем часто сидели...

– Ты что-то путаешь, – сказал я, – там всегда два огромных пса, а с ними хозяйка этих чудищ... А еще там должны быть пьяницы, маляр бородатый у своей бочки...

Я не успел до конца выяснить, как же так случилось, что мне из окна видно одно, а Дине другое, как навстречу мне попался странный человек, в чернилах с ног до головы. Я сразу понял, кого вижу перед собой.

– Писатели – горечь земли нашей! – поприветствовал я его. – Вы тот плодородный гумус, который пестует (иногда незаслуженно, ох, незаслуженно) вымирающие планеты. Вы – мастера сокровенного слова, но вам всегда нужен поводырь, чтобы отвести слово в доброе, сытное стойло...

– А теперь скажите, Пигмалион наш, часы в вас еще тикают?

– Тикают, – обрадовался он моему вопросу. – Хотите послушать?

И он задрал пиджак и выпятил пузо.

– Я верю вам, – ободрил я писателя.

– Почему вы назвали меня Пигмалионом? Значит ли это, что вы все знаете о...

– ...О том, что ваши герои материализовались?..

– Вот именно! – сказал он. – Я придумал написать рассказик о том, как малодушные люди хотят построить себе совершенно неуничтожимое убежище, чтобы скрыться в нем от ужасов нашего времени... И написал...Хочу сказать, что все в этом рассказе вымышлено, нет на самом деле никакого профессора, нет никакой Марты, нет мосластых девушек Веточки и Елочки...

Я перебил его:

– Но теперь, судя по всему, они появились?

– Да! – закричал он. – Сначала пришли мосластые, сказали, что учились вместе со мной в Литературном институте. А я учился на высших сценарных курсах... И мне сразу стало не по себе, но ведь не выгонишь, люди все-таки...

– А потом пришла Марта, и в доказательство, что она Марта, сказала, что ей в команде присвоен псевдоним «Баклажанна», а я ведь действительно так ее в рассказе назвал. Ну, откуда посторонняя женщина, если она посторонняя, могла узнать об этом?

– Последним объявился профессор, исключенный, заполошный, мокрый – говорил, что под грозу попал, а грозу он больше всего боится, – тут же они начали покупать фанеру, рубероид – все, что в рассказе обозначено.

Потрясенный писатель схватился за голову:

– Что это такое, скажите, добрые люди? Теперь нельзя уже написать рассказик, чтобы к вам тут же не ввалились его герои? А если я про динозавров напишу? А если про конец света?..

– Такова в ваших краях плотность страха, что это он, старый знакомец, материализует ваши фантазии о нем, – предположил я. – Хорошо, что вы, в общем-то, опасаетесь малого, потому что не видели большого (я вспомнил дверь, ведущую в апартаменты Ёхарного Бабая). Бывает и хуже: люди просто окаменевают от страха, причем, не от страха умереть, а из страха жить... И они близки к истине: страшно все, но спасут ли убежища?

– Но беда еще и в том, – продолжил писатель, что я не специалист по убежищам, я в рассказике своем ввернул про фанеру, гвозди, так они из фанеры и

построили свой бункер, а кто знает, из чего настоящие бомбоубежища строят? И теперь они требуют, чтобы именно я сел за рычаги управления экскаватора и засыпал люк... А через три года, чтобы именно я откопал их... Что же делать?.. Закапывать?.. Что скажете?

– Ничего, – ответил ему я, – вы автор рассказа, вам и расхлебывать... Только я огорчу вас еще больше: никогда не публикуйте ваш рассказик, иначе станут закапываться целые трудовые коллективы... Дурной пример, что тут можно добавить...

– Беда, какая беда! – сказал писатель и пошел вверх по лестнице. – Оказывается, за словом догляд нужен и еще догляд...

Лестница проводила его неясным гулом.

И вдруг я понял, что меня поразило в нем.

– Ты, ты идешь наверх? – ошарашенно спросил я. – Как же так: все вниз, а ты вверх?

– Какого рожна! – хохотнул писатель. – Не все ли равно в какую сторону идти? Ходи себе, если отдышки нет...

– В самом деле! – почти понял его я. – И чего ради я ухожу из дома, да еще с вещами?..

– Привычка у нас есть такая вековая – бросать свои родные дома, чтобы потом ютиться в чужих углах, – предположил писатель. Было слышно, как в нем тикают часы. – Мы племя, которое предает дома... А заодно и людей, живущих в них...

Я перегнулся через перила, позвал:

– Дина!

Она не откликнулась, но я знал – она слышит.

– Я поворачиваю назад, Дина! Наверное, сегодня только репетиция. Нити ослабли, всех отпускают.

– Ты ведь и не должен был идти с нами, правда? Я слышала, что ваши ходят только в качестве козлов-провокаторов...

– Однако, обидные твои слова, – сказал я. Во мне бушевали два чувства – безудержной радости, что меня отпустили, и предчувствие неминуемой беды, ведь мне в этот раз не удалось выполнить свой святой долг, сдержать клятву, которую дают куэнзимы всех каст, достоинств и артикулов, и в которой есть многократно повторяемая строчка: «С радостью отдам жизнь за святой порядок шеренги, великую гармонию пустоты, и вечную триаду – единоначалие, единомыслие, единообразие...». Кто-то другой, не я, сегодня ушел в вечную память, провожая идущих вниз до заветной черты...

«Что ж, еще много предстоит борьбы за вечный порядок, – успокоил я себя. – Будет еще сладостная возможность погибнуть за порядок»...

– Прощай, Дина! – крикнул я на прощанье, и, сбросив путы, пошел домой. Жалко, что теперь пропадет такой хороший чемодан.

И десяти минут не понадобилось мне, чтобы добраться до своей лестничной площадки. Еще два раза в меня стрелял бравый капитан, но никчемные патроны шипели, как змеи, испускали дух зловонный и дымный, приветливо махала мне рукой невеста капитана и моя подружка; только мы с ней знали, где находится пролом во времени, и славно было, что она даже не догадывалась что это такое. Судя по всему, проход был пока закрыт, но мы последим за ним и будем наготове.

Я рассчитывал на персональную благодарность самого Ёхарного Бабая. Может, посчастливится даже увидеть облик этого последнего во всей вселенной Титана? Заодно доложу о новом зловредном поветрии – строить убежища и прятаться под землю. Это может затруднить выполнение основной задачи по нейтрализации населения планеты.

Твердой рукой я нажал на кнопку звонка.

Елена открыла дверь и ахнула:

– Ты вернулся!.. Тебя уже апгрейдили?

Я не стал ничего объяснять ей, скоро и ее очередь; она очень многого ждет от Эшелона, волнуется, беспокоится, повысится ли показатель интеллекта, и нужно ли для этого заполнять специальный бланк-требование. Ко дню выхода она заказала в ателье темно-зеленое платье из парчи, сказала, что день апгрейда вполне можно сравнить с днем рождения Нового человека, – в общем, она впитала в себя весь пропагандистский елей; и уморила соседок рассказами, о том, какая счастливая жизнь настанет после Эшелона; соседки тоже шили парчовые платья.

Я подошел к заветному окну: за стеклом кружился снегопад, выбеливал ржавчину опавших листьев, пьяницы перешли с водки на портвейн, псы, с привязанной к ним бабой в плаще, гадили в песочнице, маляр притаранил еще одну бочку и бултыхал свои растворы с большим старанием, а, может, всю перспективу искажало стекло, а на самом деле жизнь была еще счастливей?

Едва смолк пулеметный треск пишущей машинки, рукопись легла на стол Титана. Он сам позвонил, прогрохотал:

– Вижу, сынок, кое-что ты сочинил, молодец! Почитать дашь, или ты работаешь в стол, как многие мои знакомые писатели?

– Сейчас же пришло, – заторопился враг человеческий, не сумев сдержать подобострастных ноток в голосе.

– Я большую часть твоего творения, уж извини, прочитал прямо у тебя в голове. Мне кажется, тебе удалось точно передать атмосферу вывода очередных Эшелонов на нейтрализацию, как бы через себя пропустить высокий ток в душах Избранных... Получился и страх, гонящий людей под землю... Ну, и особая тебе благодарность за то, что обнаружил замаскированный проход во времени... Буду говорить о тебе в министерстве, надо все-таки дать тебе счастливую возможность погибнуть, выполняя священный долг кузнзима, и не важно, ты куэнзим по духу или рождению.

Радость захлестнула врага человеческого.

– И еще, – громыхнул Ёхарный Бабай, – не дай встретиться этим двоим с Буянной. Помни, так уж сошлось, их встреча может замкнуть все временные замки, сгладит все парадоксы, развяжет все клубки и разрубит все узлы – время опять тронется в свой, никому не нужный, поход. Опять кому-то выпадет стареть, уходить, а кому-то жить, растить детей, наслаждаться всем тем, что люди привычно называют счастьем... Нельзя допустить это!

Продолжение следует.

